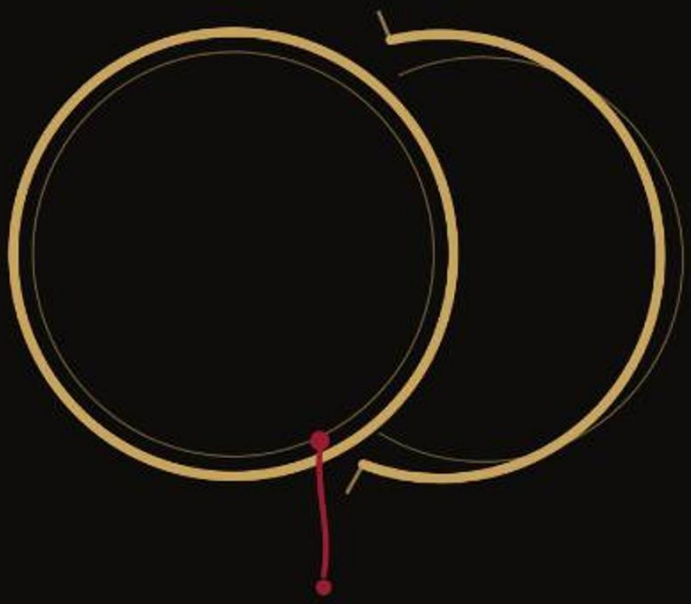
БЕЛЛА РОМАНОВА

Контракт *на* послушание

Один год. Одна подпись.
Ни шага без его правил.

18+

РОМАН

Белла Романова

Контракт на послушание

«Автор»
2026

Романова Б.

Контракт на послушание / Б. Романова — «Автор», 2026

Коллекторы пришли в восемь сорок — за двадцать минут до открытия отцовской типографии. Тридцать восемь миллионов долга, и подпись Веры под договором поручительства.Новый кредитор, Марк Ветров, принимает её на шестьдесят первом этаже башни «Федерация» ровно через восемь минут. Он уже знает о ней всё — даже то, о чём она молчит четыре года. И предлагает сделку: год брака. Отдельная комната, идеальная пара на людях, закрытое восточное крыло дома и одно правило, которое он не обсуждает: не врать его девятилетней сестре.Вера дописывает в контракт своё, седьмое: «Не прикасаться ко мне без моего согласия, когда нет камер».Он подписывает. И это единственный пункт, который ни один из них не собирается нарушать.

© Романова Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать восемь миллионов 6
Глава 2. Пятница 12
Глава 3. Дом с закрытым крылом 20
Глава 4. Идеальная пара 26
Глава 5. Семейный ужин 31
Глава 6. Почерк 37
Глава 7. Рождественский приём 42
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Белла Романова
Контракт на послушание

Контракт на послушание
Белла Романова
Table of Contents

Глава 1. Тридцать восемь миллионов

Коллекторы пришли в восемь сорок, за двадцать минут до открытия, и вытерли ноги о коврик.

Это Вера потом вспоминала чаще всего. Не их лица, не бумаги, которые они положили на стол, а то, как двое мужчин в одинаковых тёмных куртках по очереди старательно шаркнули подошвами по резиновому «Добро пожаловать», прежде чем войти и разобрать её семью на части.

— Андрей Николаевич Соколов? — спросил тот, что постарше, и посмотрел не на отца, а на печатную машину за его спиной. Так смотрят на шкаф, который сегодня будут выносить.

Отец стоял у стола с утренней корректурой. Свадебные приглашения для пары из Жуковки: кремовый картон триста грамм, слепое тиснение, золотая фольга по краю. Он отложил лист очень медленно, будто тот мог разбиться.

— Я.

— Мы по вопросу вашей задолженности. Вам направлялись уведомления.

Вера сидела в углу, за столом, который раньше был маминым, и пинцетом расправляла загнутый угол письма тысяча девятьсот двенадцатого года. Она отпросилась с утра из архива и взяла его в типографию, где свет лучше: тонкая почтовая бумага, рыжие пятна от железа в чернилах, кто-то писал брату в Тифлис про урожай и про то, что Машенька кашляет. Бумага была ломкая, как крыло стрекозы.

Она положила пинцет на подставку, накрыла письмо листом кальки и убрала в сейф. Когда руки начинают дрожать, ничего ценного в них держать нельзя. Этому её учили на первом курсе.

— Уведомления получали, — сказала она, вставая. — Что-то изменилось?

Младший из двоих повернулся к ней. У него было молодое, вежливое лицо и очень чистые ногти.

— А вы?..

— Дочь. И поручитель. Так что можете говорить со мной.

Отец дёрнулся, словно хотел её остановить, но не сказал ничего. Три года он делал вид, что её подписи под договором поручительства не существует. Говорил «мой кредит», «мой долг», «моя ошибка». Как будто, если не произносить вслух, бумага сама растворится.

Бумага не растворяется. Вера знала это лучше всех.

— Изменился кредитор, — старший протянул ей тонкую папку. — Право требования по вашему договору уступлено. Новый кредитор — общество с ограниченной ответственностью «Ветров Капитал». Мы теперь представляем их интересы. Слушание по обращению взыскания на имущество назначено на пятницу. Нам нужно провести опись.

— Опись чего?

Он развёл руками, и жест этот охватил всё: машину «Хайдельберг» восемьдесят девятого года, которую отец купил в Германии по объявлению и неделю вёз на фуре через Польшу; стеллажи с бумагой; кофеварку; мамин стол; саму Веру.

— Здание, оборудование. Всё, что подлежит.

Из подсобки вышел Тёма. В наушниках, с бутербродом, в мятой футболке — он ночевал здесь, потому что дома опять не было горячей воды. Он посмотрел на чужих людей, на папку, на отца, и всё понял быстрее, чем следовало бы шестнадцатилетнему.

— Это кто?

— Тёма, иди к отцу, — сказала Вера.

— Ещё чего. — Он шагнул вперёд. — Вы кто такие?

— Молодой человек…

— Я спросил, кто вы такие.

Младший коллектор не отступил. Он чуть повернул корпус боком, и Вера увидела, что он делает это не в первый раз. Тёма был выше, но тоньше. Он перехватил бутерброд в левую руку, а правой схватил младшего за куртку на груди.

Вера встала между ними. Не быстро: быстро нельзя, быстро — это испуг. Просто сделала два шага и оказалась перед братом, спиной к нему, лицом к чистым ногтям.

— Опись проводит судебный пристав, — сказала она. — Не вы. У вас есть постановление?

Пауза.

— Мы проводим предварительный осмотр, по поручению кредитора.

— Тогда осмотрите, пожалуйста, коврик у входа, — сказала она ледяным, безупречно вежливым тоном. — Вы о него так хорошо вытирали ноги. А к оборудованию не подходите.

Старший усмехнулся, и это была почти уважительная усмешка.

За её спиной что-то стукнуло. Она обернулась. Отец сидел на табуретке у стола, одной рукой держался за край, другой расстёгивал ворот рубашки, и пальцы у него не попадали в пуговицу.

— Пап.

— Нормально, — сказал он. — Нормально, Вера. Сейчас.

Таблетки лежали в верхнем ящике, под мотком бечёвки, там же, где всегда. Она дала ему одну под язык, налила воды, присела рядом на корточки и держала его запястье, считая пульс, пока коллекторы фотографировали на телефон табличку на «Хайдельберге». Сто двенадцать. Сто восемь. Сто.

Когда за ними закрылась дверь, Тёма швырнул бутерброд в стену.

— Почему ты им ничего не сделала?

— Я сделала. Они ушли.

— Они вернутся!

— В пятницу, — сказала Вера и посмотрела на папку. — Они вернутся в пятницу.

Она открыла её. Уведомление об уступке права требования. Реквизиты нового кредитора. Адрес: Пресненская набережная, двенадцать, башня «Федерация», шестьдесят первый этаж. Сумма к взысканию с учётом неустоек и процентов: тридцать восемь миллионов двести сорок тысяч рублей.

Подпись генерального директора была синяя, живая, сделанная перьевой ручкой. Вера машинально наклонила лист к свету. Нажим ровный, без колебаний в начале штриха. Человек расписывался, не задумываясь, тысячи раз. Буквы почти не читались, кроме первой — острой, как скол стекла.

«М. А. Ветров». * * * Отца она отвезла домой, уложила и заставила выпить вторую таблетку. Тёме велела сидеть рядом и звонить, если давление поднимется выше ста шестидесяти. Потом вернулась в типографию, достала из сейфа синюю пластиковую папку и проверила, всё ли на месте.

Кредитный договор. График платежей. Претензии. Расчёты неустойки, которые она делала ночами прошлой зимой, — на калькуляторе, потом в таблице, потом снова на калькуляторе, потому что не верила таблице. Знакомый с юрфака, Слава, однажды посмотрел их за кофе и сказал: «Слушай, тут пени выше, чем позволяет закон. Миллиона четыре можно оспорить. Но остальное — железно, Вер».

Четыре из тридцати восьми. Но это было хоть что-то, с чем можно было прийти.

Она переоделась прямо в подсобке: чёрные брюки, белая рубашка, мамино пальто. Посмотрела на себя в тёмное окно. Волосы собраны, губы бледные. Сойдёт. Она шла не нравиться.

В метро она перечитывала расчёты, пока буквы не начали расплываться. * * * Башня «Федерация» вблизи была не зданием, а погодой. Она отражала небо, низкое, ноябрьское, и казалось, что облака проходят сквозь неё. Внизу дул ветер с реки, такой сильный, что у входа люди наклонялись вперёд, как в метель.

На шестьдесят первом этаже было тихо, как в библиотеке. Светлое дерево, серый камень, одна орхидея на стойке ресепшен. Девушка за стойкой подняла глаза, и её улыбка исчезла раньше, чем Вера открыла рот. Она поняла по пальто.

— Добрый день. Мне нужен Марк Александрович Ветров.

— Вам назначено?

— Нет.

— Марк Александрович не принимает без предварительной записи. Я могу передать ваше обращение…

— Передайте, — сказала Вера. — Соколова. Типография «Соколов». Долг в тридцать восемь миллионов, который он купил на прошлой неделе. Я подожду, пока он не начнёт принимать без записи.

Она села в серое кресло у окна, положила папку на колени и стала смотреть на город. Москва внизу была как макет: игрушечная река, игрушечные мосты, игрушечные машины. Где-то там, за кольцом, в Лефортове, стояло старое кирпичное здание с вывеской, которую отец сам рисовал в девяносто восьмом.

Девушка за стойкой сняла трубку, сказала что-то вполголоса, послушала. Положила трубку и посмотрела на Веру с таким выражением, будто увидела в её кресле совсем другого человека.

— Марк Александрович примет вас через восемь минут.

Не «скоро», не «минут через десять». Через восемь.

Вера посмотрела на часы на стене. Двенадцать ноль четыре.

Ровно в двенадцать двенадцать к ней подошёл молодой человек в очках и сказал: «Прошу». * * * Кабинет оказался почти пустым, и это было хуже, чем если бы он был роскошным. Длинный стол из тёмного дерева, два стула по одну сторону, один по другую. Ни картин, ни фотографий, ни грамот. Окно во всю стену, а за ним туман, в котором тонули верхушки соседних башен. На столе лежали одна папка, один телефон экраном вниз и одна перьевая ручка, чёрная, с тонким серебряным ободком.

Он стоял у окна и обернулся, когда она вошла.

Вера видела его фотографии: в новостях, в деловых журналах, пару раз в светской хронике с какими-то женщинами, чьих имён не запомнила. На фотографиях он был старше. Вживую ему можно было дать тридцать, если не смотреть в глаза. Глаза были серые, светлые, внимательные. Ими он делал то же самое, что коллекторы делали утром с «Хайдельбергом». Опись.

— Вера Андреевна. — Не вопрос. — Садитесь.

Она села. Он сел напротив, не торопясь, и сложил руки на столе. На безымянном пальце не было кольца. На запястье — простые часы на кожаном ремешке.

— У вас семь минут, — сказал он. — Обычно я не даю и этого.

— Почему тогда дали?

— Потому что вы сказали «пока он не начнёт принимать без записи». Это было любопытно.

Она открыла папку. Это было проще, чем смотреть на него.

— Ваш кредитор, точнее, тот, у кого вы купили право требования, начислял неустойку с нарушением закона. Ставка выше предельной, проценты на проценты, ещё и штраф за просрочку за одни и те же дни. Вот расчёт. — Она положила лист на стол и развернула к нему. — Четыре миллиона двести тысяч начислены незаконно. Если вы пойдёте в суд с этой суммой, мы её оспорим, и вы потеряете время. Я предлагаю пересчитать долг и договориться о графике.

Он не взглянул на лист.

— Шесть миллионов сто, — сказал он.

— Простите?

— Вы не учли пункт семь три. Комиссия за обслуживание просроченной задолженности. Её тоже можно оспорить, она противоречит позиции Верховного суда. Шесть миллионов сто тысяч.

Вера замолчала. Ночами, на калькуляторе, потом в таблице, потом снова на калькуляторе. И он сидел напротив и говорил ей про пункт семь три так, как говорят про погоду.

— Тогда зачем мы разговариваем, если вы и так всё знаете?

— Затем, что даже без этих шести миллионов остаётся тридцать два. — Он чуть подвинул её лист обратно к ней, одним пальцем. — Ваш отец их не заплатит. Ни по графику, ни через десять лет. Типография приносит восемьсот тысяч в месяц в хороший месяц. Хороших месяцев у неё было три за последний год. Здание после оценки стоит около восьми миллионов, оборудование — около двух. Остальные двадцать два суд взыщет с поручителя.

Он сделал паузу ровно настолько, чтобы она услышала то, что он не сказал.

— С вас, Вера Андреевна. Вашей зарплаты в архиве хватит на погашение примерно к пятидесяти восьми годам. Если без процентов.

Она почувствовала, как холодеют пальцы, и сжала край папки.

— Вы приняли меня, чтобы рассказать, как я буду жить до пятидесяти восьми лет?

— Я принял вас, чтобы предложить другой способ погасить долг.

Вот оно. Вера знала, что что-то будет. В таких кабинетах не принимают девушек в мамином пальто, чтобы пожалеть. Она выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза: если сейчас он скажет то, о чём она думает, пусть видит её лицо.

— Если вы о том, о чём я думаю…

— Я о браке, — сказал он.

Она засмеялась.

Это вышло само, и громче, чем она хотела. Смех отразился от пустых стен и стекла, и молодой человек в очках за дверью, наверное, его слышал. Она смеялась и ждала, что Ветров улыбнётся, или разозлится, или скажет «шучу». Он не сделал ничего. Он сидел, сложив руки, и ждал, пока она закончит, так же, как ждал бы, пока закончит работать принтер.

Когда она замолчала, он продолжил тем же голосом, без единой новой ноты:

— Брак на один год. Регистрация в ближайшую субботу. Вы переезжаете в мой дом, у вас будет отдельная комната. На людях — супружеская пара, без исключений. Наедине — как вам удобно, лишь бы тихо. Через год — развод по взаимному согласию, без имущественных претензий с обеих сторон. В день развода фонд отказывается от требований к вашему отцу и к вам. Полностью. Тридцать восемь миллионов двести сорок тысяч.

— Вы не в себе.

— Мне это говорят примерно раз в квартал. Обычно перед тем, как я оказываюсь прав.

— Зачем вам это?

— Мне нужна жена.

— Вам? — Она обвела рукой его стол, окно, город. — Вам достаточно выйти на улицу. Или вообще не выходить, позвонить.

— Мне нужна не женщина. — Он сказал это без всякой интонации, как поправку в договоре. — Мне нужна жена на год. Не любовь, не наследник. Жена, которая будет делать то, о чём мы договорились, а через год уйдёт и будет молчать.

— Наймите актрису.

— Актрисы продаются второй раз.

Вера наклонила голову.

— А я, значит, продаюсь только один?

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем раньше. Впервые с начала разговора она увидела, что он её разглядывает: не опись, а что-то другое, короче и острее.

— Вы ещё не продались, Вера Андреевна. Вы торгуетесь. Это разные вещи.

Ей хотелось встать и уйти. Хлопнуть дверью, чтобы орхидея на ресепшене вздрогнула. Хотелось сказать что-нибудь, после чего он перестал бы так спокойно сидеть. Но вместо этого она услышала свой голос, удивительно ровный:

— Почему я? Вы меня не знаете.

— Знаю.

Он открыл папку, которая лежала перед ним, и Вера увидела на первой странице своё имя. Соколова Вера Андреевна, 2002 года рождения. Дальше мелким шрифтом — школа, университет, кафедра, мастерская консервации, адрес архива, сумма зарплаты до рубля. Фотография с пропуска, на которой она щурилась.

Пальцы стали совсем чужими.

— Это незаконно.

— Это открытые источники, — сказал он и закрыл папку. — Почти все.

— Почти?

Он не ответил. Взял ручку и повертел её в пальцах. Тогда Вера заметила то, на что её глаз реагировал раньше, чем мозг: лист, лежавший под папкой. Плотная бумага цвета слоновой кости, около ста двадцати грамм, хлопковая, с фактурой верже. Дорогая бумага для документов, которые будут храниться долго. Кто-то в этом кабинете заранее напечатал на ней договор.

Он перехватил её взгляд. Кажется, это его тоже позабавило, хотя лицо не изменилось.

— Посмотрите, если хотите.

— Я смотрю на бумагу, а не на текст, — сказала Вера. — Профессиональное.

— Я знаю. Поэтому и предложил.

Она встала. Ноги держали. Хорошо.

— Мне нужно подумать.

— Конечно.

— Это не значит «да».

— Я не слышал «да», — согласился он и тоже встал. — Я пока не слышал ничего, кроме «вы не в себе».

Она пошла к двери. Спина прямая, шаг ровный. Ладонь уже легла на холодную металлическую ручку, когда он сказал ей вслед, тем же голосом, каким говорил про пункт семь три:

— Денис Карпов. Галерея на Солянке. Двадцать второй год.

Вера остановилась.

Она не обернулась. Смотрела на свою руку на дверной ручке, на светлую кожу, на обкусанный край ногтя, который она так и не отучилась трогать. В кабинете было очень тихо. Она слышала, как гудит где-то вентиляция, как сорока этажами ниже, кажется, воет сирена, а может, это ветер.

— Не понимаю, о чём вы.

— Понимаете, — сказал он. Без угрозы. Просто как факт, который он вписывал в таблицу.

Она открыла дверь и вышла.

В приёмной молодой человек в очках уже стоял у стойки, будто ждал её всё это время.

— Вера Андреевна. Лифт вызван.

— Я не просила.

— Знаю. Он сказал, что вы так ответите. — Он помедлил, и в его вежливом лице впервые мелькнуло что-то человеческое, вроде сочувствия, а может, любопытства.

Она кивнула и пошла к лифту.

Девушка за стойкой больше не смотрела на её пальто.

— До свидания, Вера Андреевна, — сказала она.

Двадцать минут назад её здесь не знал никто. * * * Лифт шёл вниз долго. Шестьдесят один этаж. Вера стояла в зеркальной кабине одна и смотрела на цифры над дверью.

Шестьдесят. Пятьдесят девять.

Она вспоминала, как Денис наливал ей вино в галерее после закрытия, как говорил «ты лучшая, кого я видел, у тебя волшебные руки», как подвинул ей лист и сказал «просто подпиши, это формальность, эксперты всегда подписывают». Как через три месяца она увидела ту же картину в каталоге аукциона, с её заключением в описании провенанса, и поняла, что письма, которые она «реставрировала», были написаны за неделю до того, как попали к ней на стол.

Сорок. Тридцать девять.

Она тогда ушла и никому не сказала. Ни отцу, ни подругам, ни маме на кладбище. Думала, если не произносить вслух, бумага сама растворится.

Двадцать. Девятнадцать.

Откуда он знает? И если знает он, кто ещё?

Десять.

У выхода из лифта она поймала себя на том, что считает этажи вслух, шёпотом, губами, как в детстве считала до ста, когда не могла уснуть. Она замолчала. Двери открылись в холл, полный людей и ветра, и Вера шагнула туда, прижимая к груди синюю папку с расчётами, которые оказались никому не нужны.

Только на улице ветер с реки ударил в лицо так, что пришлось зажмуриться. В кармане пальто коротко завибрировал телефон. Номер был незнакомый.

«Подумайте до пятницы, Вера Андреевна. В пятницу у вашего отца суд. М. А. Ветров».

Глава 2. Пятница

Скорая приехала в ту же ночь, в начале третьего. Вера услышала не сирену, а шаги на лестнице: тяжёлые, быстрые, чужие. Отец сидел на краю кровати в пижамной куртке и объяснял фельдшеру, что с давлением у него всегда так, что он сейчас выпьет чаю и всё пройдёт. Тонометр показывал двести десять на сто двадцать.

— Андрей Николаевич, чай вам сегодня не поможет, — сказал фельдшер, молодой, с усталыми глазами. — Собирайтесь.

— Я только ботинки…

— Ботинки вам принесут.

К утру его положили в кардиологию Лефортовской больницы, во второй корпус, в палату на четверых. Окно выходило на кирпичную стену с облупившейся надписью «Не курить». Пахло кашей и хлоркой, как в школе.

Вера пришла к восьми. Тёма спал на пластиковом стуле в коридоре, запрокинув голову, с открытым ртом, и держал в руках отцовские ботинки. Она накрыла его своим пальто и вошла.

Отец лежал с капельницей в левой руке и смотрел на потолок. Сосед справа, лысый старик с газетой, деликатно сделал вид, что читает.

— Вера. Ты зачем в такую рань? У тебя же архив.

— Я отпросилась.

— Не надо было. — Он попытался приподняться и поморщился. — Там заказ из Жуковки. Приглашения. Надо до пятницы отдать, там тиснение фольгой, её нельзя перегревать, а Тёма… он парень хороший, но он фольгу перегревает.

— Я посмотрю.

— Триста грамм, кремовый. Если пойдёт волной, прогоняй через пресс под бумагой, не напрямую.

— Пап. Я знаю.

— Знаешь, — согласился он. — Ты всё знаешь. А я вот лежу.

— Ты лежишь, потому что тебе сказали лежать. Это не одно и то же.

Он улыбнулся одним углом рта, как улыбалась мама. Вера поправила одеяло, которое не нуждалось в поправке. Руки нужно было чем-то занять, и она занимала их тем, что было.

— Эти двое, что приходили вчера вечером, — сказал отец. — Они что-то говорили, пока я… Я не всё слышал. Что в пятницу?

— Ничего. Они перепутали. Мне позвонили от нового кредитора, суд перенесли. Дали время на переговоры.

Она сказала это спокойно, глядя ему в лицо. Лгать отцу оказалось неожиданно просто. Так же просто, как накрыть лист калькой. Только после этого руки не перестают дрожать.

— Перенесли, — повторил он. Облегчение пришло в его лицо медленно, как краска в мокрую бумагу. — Ну вот. Я же говорил. Люди не звери. Надо с ними разговаривать, по-человечески, и они…

— Конечно, пап.

— Они, наверное, и проценты пересмотрят. Ты ведь им скажешь про проценты.

— Скажу.

— Ты у меня умница. Вся в маму.

Сосед шумно перевернул газетную страницу. Вера встала.

— Я зайду вечером. Тёма принесёт тебе бритву, а то ты похож на разбойника.

— Разбойники нынче в костюмах, — сказал отец неожиданно и закрыл глаза.

В коридоре Тёма проснулся и теперь смотрел на неё сквозь стекло двери. Она вышла, закрыла за собой дверь и прислонилась к стене.

— Что ты ему сказала?

— Что суд перенесли.

— Его не перенесли.

— Нет.

Тёма сжал ботинки так, что побелели костяшки.

— Ты что-то придумала. Я же вижу. Ты вчера вернулась из центра за полночь и сидела на кухне, как будто тебя ударили.

— Я придумываю, Тём. Это называется «работа». Иди домой, поспи. Потом позвони мне.

— А ты?

— А я пойду по банкам.

— Они тебе откажут.

— Тогда хотя бы узнаю, в каком порядке. * * * Банков в тот день было четыре.

В первом, на Новой Басманной, менеджер с аккуратной бородкой и бейджем «Руслан» выслушал её восемь минут, ни разу не перебив, а потом повернул к ней монитор.

— Вера Андреевна, у вас действующее поручительство на тридцать восемь миллионов. Это не кредитная нагрузка, это приговор. Мы вам не то что рефинансирование, мы вам потребительский на телефон не одобрим.

— Мне не нужен потребительский. Мне нужно перекредитовать долг отца под залог здания.

— Здание уже в залоге.

— У того же кредитора.

— Значит, у кредитора, — сказал Руслан с искренним сожалением. — Тогда извините.

— А если добавить залог квартиры.

— Квартира в Лефортове, по муниципальной программе, с обременением. Я посмотрел, пока вы говорили.

— Быстро.

— Работа такая, — он развёл руками. — Вам лучше не терять время на нас.

Во втором банке с ней говорила женщина с тяжёлыми серьгами и очень красивыми ногтями. Она сказала почти то же, но с улыбкой, и от этой улыбки было хуже. В третьем Веру не пустили дальше охранника: «Приём юридических лиц по записи, ближайшее окно через две недели».

— У меня суд в пятницу.

— Тогда записывайтесь на следующую пятницу, — сказал охранник без издёвки, просто как человек, у которого одна инструкция.

Из четвёртого она вышла в половине пятого. Уже темнело, как всегда в ноябре, рано и мокро. У крыльца кто-то выбросил букет, и он лежал в луже, красные гвоздики на сером асфальте.

Она позвонила Славе. Он взял трубку на третьем гудке, и на фоне у него гудел принтер.

— Вер, привет. Я тебя как раз хотел набрать.

— Слав, мне нужен мораторий. На пятницу. Хоть на неделю. Можно ходатайство об отложении, о чём угодно.

— Об отложении можно. Суд может даже удовлетворить. На неделю, максимум на две. А потом то же самое. Тебе надо не время, тебе нужны тридцать восемь миллионов.

— Тридцать восемь.

— Пени я бы оспорил, но тело долга это не изменит. Вер… — Он замялся. — Я смотрел сегодня, кто купил этот долг. «Ветров Капитал». Ты понимаешь, да? Они не торгуются. Они покупают, чтобы взять то, что хотят. Если им нужна типография, они возьмут типографию. Если нужен… не знаю. Всё, что угодно.

Вера смотрела на красные гвоздики в луже.

— Я знаю, Слав.

— Ты с ним встречалась?

— С кем.

— Вер.

— Напиши ходатайство, — сказала она. — На всякий случай.

— Напишу. К вечеру пришлю. — Принтер за его спиной смолк. — У тебя есть кому позвонить? Кроме меня?

— Нет. Спасибо.

Она убрала телефон. Мама в таких случаях говорила: «Не ищи выход там, где его нет. Найди то, что у тебя в руках». У Веры в руках были пинцет, калька и ломкое письмо тысяча девятьсот двенадцатого года, у которого осталась неделя до сдачи. * * * Конверт цвета слоновой кости лежал на мамином столе в типографии с вечера вторника. Вера не открывала его два дня. Она проходила мимо, как мимо стола, на котором кто-то оставил чужой телефон.

В четверг вечером она принесла его домой.

Квартира в Лефортове пахла лекарствами и луком: Тёма жарил картошку и забыл выключить вытяжку. Сам он сидел за столом с учебником физики и не читал. Когда она вошла, он закрыл учебник.

— Что это?

— Заказ.

— Это не заказ, это бумага для банкнот. Дай посмотреть.

Он потянулся. Вера отвела конверт.

— Нет.

— Ты мне ни о чём не говоришь!

— Ты в десятом классе, а я твоя сестра. Мы сейчас играем в «не говори», Тём. Ешь картошку.

— Я её уже пережарил.

— Значит, ешь пережаренную.

Тёма ушёл в комнату, и дверь хлопнула ровно настолько громко, чтобы это было заявлением.

Вера села на кухне, под жёлтой лампой, и вынула листы. Проект договора на шести страницах. Бумага та же: хлопок, сто двадцать грамм, мягкий верже с едва заметными линиями. Она подняла лист на просвет. Водяной знак: две буквы, «В» и «К», вписанные в круг. Аккуратная работа, не дешёвая. Человек, который заказывал такую бумагу, хотел, чтобы документы жили дольше него.

Она стала читать. Читала так, как привыкла читать чужие письма: сначала как бумагу, потом как текст.

Первое: год брака, затем развод без имущественных претензий. Долг списывается в день развода. Не раньше. Она подчеркнула «не раньше» ногтем.

Второе: никакой личной жизни на стороне. Третье: она живёт в его доме, у неё отдельная комната. Четвёртое: на людях идеальная пара, наедине посторонние. Пятое: восточное крыло дома и кабинет закрыты. Шестое было короче остальных и набрано точно тем же шрифтом, но почему-то читалось иначе:

«Соне не врать».

Кто такая Соня, в договоре не говорилось.

Вера дочитала до конца. На последней странице стояли две пустые строки для подписи: его, уже напечатанная фамилия, и её. Про то, что можно и чего нельзя, было шесть пунктов. Про то, чего она не хочет, не было ни слова.

Она достала из сумки обычную синюю ручку, которую давно не меняла. На обороте проекта, на чистом поле, написала черновик. Зачеркнула. Написала снова, короче. Её мать говорила, что хорошее правило не нуждается в объяснениях.

Потом долго сидела над строчкой и смотрела на свой почерк: ровный, мелкий, архивный. Почерк человека, который привык делать так, чтобы потом никто не пришёл с лупой.

Лампа над столом тихо гудела. В комнате за стеной Тёма делал вид, что спит. * * * В четыре утра она поняла, что не уснёт, и поехала в типографию.

Город был пустой и мокрый. В цеху пахло машинным маслом и холодной бумагой, и от этого запаха, привычного с детства, как запах маминых рук, стало на минуту легче дышать. Вера включила свет только над «Хайделбергом», надела отцовский фартук, длинный, до колен, и достала из стопки первый лист для Жуковки.

Кремовый картон, триста грамм. Она провела по нему ладонью, потом пальцами по кромке: плотный, живой, чуть тёплый от батареи. Хорошая бумага. Люди в Жуковке будут держать её в руках пять минут, а потом уберут в ящик, к другим открыткам. Но отец сказал бы, что работа не знает, кто на неё смотрит.

Она выставила температуру штампа. Сто тридцать пять. Фольга легла ровно, как золотая нитка, и первый оттиск вышел чистым.

Дверь скрипнула примерно на сороковом листе.

— Я знал, что ты здесь, — сказал Тёма. Он стоял в проёме в куртке поверх пижамных штанов, с красными глазами и пластиковым пакетом. — Принёс бутерброды.

— Ты же спал.

— Я лежал. Это разное.

Он подошёл к станку и заглянул через её плечо в лоток с готовыми листами.

— Ровно. У меня всегда вылезает по краю.

— Потому что ты ставишь сто пятьдесят.

— Мне казалось, так блестит ярче.

— Так оно блестит ярче, а потом идёт пузырями. Папа это тебе говорил раз двадцать.

— Двадцать один. — Он сел на перевёрнутый ящик и развернул бутерброд. — Ты ходила по банкам.

— Ходила.

— И?

— И нигде нет.

— Я могу бросить школу. Пойти на склад, мне Лёха говорил, там берут с шестнадцати. Или курьером.

— Ты можешь сдать физику.

— Вер.

— Тём, — она не обернулась, нажала педаль, и штамп тяжело опустился. — Если ты бросишь школу, отец меня убьёт. А потом выздоровеет и убьёт тебя. Лучше не начинать.

— Это не смешно.

— Я и не шучу.

Он жевал и смотрел, как она вынимает лист, проверяет на свет, кладёт в стопку.

— Ты что-то придумала, — повторил он тихо, но уже не как обвинение. — Скажи хотя бы, это не опасно.

Вера взяла следующий лист и долго держала его в руках. Фольга на оттиске смотрелась как тонкий расплавленный край.

— Это не опасно для тебя, — сказала она.

— Это не ответ.

— Это самое честное, что у меня есть. Подай мне пластину справа.

Он подал. К шести утра приглашения лежали аккуратной стопкой, перевязанные бечёвкой, и никто из них не сказал больше ни слова. Только на выходе Тёма вдруг обнял её сзади, неловко, как обнимают подросшие младшие братья, и тут же отпустил, будто ничего не было. * * * В пятницу она пришла на шестьдесят первый этаж в восемь пятьдесят. Девушка за стойкой не спросила ни о записи, ни о пальто.

— Вас ждут. Пройдёмте.

Её ждала не та комната. Переговорная была стеклянной, с длинным столом и шестью креслами. В ближайшем кресле сидела женщина в тёмном костюме и белых кроссовках. Тёмные волосы собраны наспех, под ногтями ни следа маникюра. От неё едва заметно пахло табаком, как от человека, который вчера бросил курить, а сегодня передумал.

— Кира Лаврова, — сказала она, не вставая. — Юрист. Я составила это. — Она кивнула на экземпляр договора перед собой. — Присаживайтесь, Вера Андреевна. У нас десять минут. Потом он придёт.

— Он придёт ровно в девять.

— Он всегда приходит ровно. Это его способ не ждать.

Вера села напротив, положила на стол конверт и свою папку с ходатайством Славы. Кира посмотрела на папку, потом на неё.

— Предупреждаю сразу. Я была против.

— Против чего?

— Против вас. — Кира сказала это без злости, как называют диагноз. — Против любого человека, который будет жить в его доме на этих условиях. Но против вас особенно.

— Почему особенно?

— Потому что вы подходите. Это всегда плохой признак.

Вера выдержала паузу.

— Мне ответить на это вопросом или промолчать?

— Лучше вопросом. Ему понравится.

— Тогда: кто такая Соня?

Что-то в лице Киры изменилось: чуть дрогнули губы, как у человека, который собирался сказать «ничего особенного» и передумал.

— Он расскажет сам. И расскажет иначе, чем я. — Она придвинула к ней договор. — У вас есть вопросы по тексту? Предупреждаю: я не буду объяснять, что значит слово «супруга». Вы взрослый человек.

— Один вопрос. — Вера положила ладонь на лист. — Где в вашем документе написано, что я могу выйти раньше срока?

— Нигде. Это не договор об аренде.

— То есть это ловушка.

— Нет, — сказала Кира. — Ловушка прячет выход. Здесь он на последней странице, через год, и вы его видите с первой минуты. Разница в честности.

— Вы всегда так утешаете клиентов?

— Вы не клиент. Клиент у меня он. — Кира достала из кармана пачку, посмотрела на неё и убрала обратно. — Я читаю такие договоры пятнадцать лет. Обычно человек торгуется за деньги. Вы пришли торговаться за формулировки. Это тоже плохой признак.

— Для кого?

— Для всех нас.

В девять ноль ноль дверь открылась. * * * Он вошёл без приветствия и сел во главе стола. Кресло стояло так, что стеклянная стена оказалась позади, но дверь он видел. Вера заметила это и запомнила. Тёмный костюм, белая рубашка без галстука. Перьевую ручку он положил рядом с папкой, параллельно краю стола.

— Вера Андреевна. Кира вас предупредила.

— О чём именно?

— О том, что здесь не торгуются.

— Она сказала: «Лучше вопросом».

Кира тихо хмыкнула. Ветров не обернулся.

— Тогда вопрос, — сказал он.

— Суд в два часа. Вы отзовёте иск до этого времени?

— В одиннадцать, если подпись будет стоять до десяти сорока. Заявление готово.

— И обращение взыскания приостанавливается сразу, а не в день развода.

— Да.

— Это есть в тексте?

— Будет. — Он посмотрел на Киру. Та молча сделала пометку.

Вера открыла свой экземпляр.

— Второе. Мой отец не должен знать. Ни про договор, ни про то, откуда взялись деньги. Он в больнице, у него сердце.

— Я знаю, где он.

— Тогда вы знаете, что с ним нельзя разговаривать так, как вы разговариваете со мной.

— Я не собираюсь с ним разговаривать.

— Это входит в мои условия?

— Это входит в мои планы. — Он чуть склонил голову. — Совпадает.

— Вы будете вести себя прилично, если мы встретимся.

— Я всегда веду себя прилично.

— Вы ведёте себя безупречно. Это не то же самое.

Один уголок его рта едва заметно сдвинулся. Могло показаться, а могло быть шуткой, такой сухой, что её сразу не поймёшь.

— Принято. Что ещё.

— Пятый пункт. Что в восточном крыле?

— Закрыто.

— Это не ответ.

— Это правило.

— Правила, которые не объясняют, обычно кто-то нарушает первым.

— Вы собираетесь нарушить.

— Я собираюсь знать, что нарушаю, — сказала Вера. — Это разные вещи.

Он помолчал дольше, чем раньше.

— В восточном крыле жила моя семья, — сказал он. — Теперь там никто не живёт. Этого достаточно.

Вера не поверила, что достаточно, но кивнула. Она читала людей так же, как бумагу: по нажиму, по тому, где перо задерживается. Здесь перо задержалось.

— Шестой пункт. — Она положила палец на строчку. — «Соне не врать». Кто такая Соня?

Он ответил не сразу, и Вера увидела, как меняется его лицо. Не мимика, а что-то под ней: так меняется бумага, когда на неё падает свет под другим углом.

— Моя сестра. Ей девять. Через год суд решит, с кем она будет жить. Мне нужна семья, которую суд сможет увидеть.

— А я — семья.

— Вы — жена.

— И что мне говорить ребёнку?

— Правду. Всё, что она спросит. — Это была первая фраза за всё утро, в которой он не звучал как человек, диктующий условия. — Она сразу слышит, когда врут. И не прощает. Единственное правило в этом документе, которое я не обсуждаю.

— Остальные обсуждаете.

— Остальные я бы нарушил сам.

В стеклянной комнате стало тихо. За окном по Москве-реке шёл буксир, медленно, как стрелка часов.

Вера кивнула.

— Тогда у меня есть своё.

Она достала из сумки ручку и придвинула проект к себе. Пока писала, никто не двигался. Только Кира чуть подалась вперёд, чтобы видеть.

Свободное поле между шестым пунктом и подписями. Она писала не торопясь, как умеют только те, кто привык писать на документах, которые нельзя исправить. Один раз, почти машинально, провела пальцем над буквой, не касаясь, проверить, высохла ли паста.

Потом повернула лист к нему.

Ветров взял его двумя руками.

«7. Не прикасаться ко мне без моего согласия, когда нет камер. В. Соколова».

Он читал. Вера знала, что прочесть это можно за три секунды, но он читал дольше. Свет из окна лежал на листе, и она видела, как его глаза возвращаются к началу строки. Один раз, ещё раз. Потом он положил лист на стол и просто смотрел на него. Минуту. Может, две.

— Вера Андреевна, — сказала Кира осторожно, — это не стандартная формулировка. «Когда нет камер» оставляет юридически…

— Кира, — сказал Ветров.

Она замолчала.

— «Когда нет камер», — произнёс он, не поднимая глаз. — Значит, при камерах вы позволите.

— При камерах я буду играть. Это вы мне платите за игру.

— А без камер.

— Без камер я решаю сама. Каждый раз.

— Каждый раз, — повторил он. — Даже если я спрошу.

— Особенно если спросите.

Он снял колпачок с перьевой ручки и, не меняя выражения лица, расписался под её строчкой. Рядом с её подписью. Острая «М» похожа на скол стекла. Потом он подписал и последнюю страницу.

— Экземпляр Веры Андреевны, — сказал он.

Кира, не отрывая от него взгляда, сняла копию с исправленной страницы и вложила её во второй комплект. Вера подписала свой, на последней странице, под его фамилией. Ровно, мелко, без нажима, по старой привычке: если когда-нибудь придётся смотреть на это глазами эксперта, ничего не должно торчать. Откуда он знает про Дениса и заключение с её подписью, она так и не спросила: пока он молчит об этом, лучше не напоминать.

Кира взяла листы, проверила, сложила и вдруг, уже не как юрист, спросила:

— Ты уверен?

Вопрос был не Вере. Ветров, не повернув головы, ответил так же ровно, как отвечал на всё утро:

— Это единственный пункт, который она будет соблюдать.

Вера не поняла, был ли это комплимент или приговор. Решила, что, скорее всего, и то, и другое.

Девушка из приёмной вошла с папкой, забрала экземпляр фонда и скрылась; второй остался у Веры. Ветров взглянул на часы: девять тридцать восемь.

— Заявление уйдёт в суд в одиннадцать. Вам нужно в больницу.

Он знал и про больницу. Вера даже не стала спрашивать, откуда.

— Да.

— Водитель отвезёт.

— Я поеду на метро.

— Как хотите. — Он поднялся и в первый раз за всё утро оказался на её уровне глаз: чуть выше, но не настолько, чтобы ей пришлось запрокидывать голову. — Вера Андреевна.

Она остановилась у двери, уже с ладонью на холодной ручке. Того же металла, что и во вторник.

— Свадьба в субботу. Платье вам привезут.

Глава 3. Дом с закрытым крылом

Вещей оказалось мало. Две сумки, коробка с инструментами и папка Славы с ходатайством, которое уже никому не было нужно. Вера смотрела, как всё это помещается в багажник такси, и думала, что двадцать четыре года жизни можно перевезти за один рейс, если не брать книги.

Регистрация в субботу заняла двадцать две минуты. Была женщина с лентой через плечо, была Кира в белых кроссовках в роли свидетеля, было кольцо, холодное и чуть великоватое. Теперь оно сидело на пальце, непривычно тяжёлое.

Тёма ждал у подъезда, в куртке нараспашку, и смотрел на коробку, как на чужой чемодан в аэропорту.

— Частная коллекция, — сказала Вера. — Переписка начала прошлого века. Работа с проживанием, три месяца.

— Ты ненавидишь частные заказы.

— Я их ненавидела, пока не узнала расценки.

— Я приеду, помогу разобрать.

— Не надо.

— Почему?

— Хозяин нервный. Гостей не любит.

— Ты говоришь «хозяин», как про собаку.

— Про собаку я бы говорила теплее.

Он подхватил коробку, крякнул и перехватил поудобнее.

— Что у тебя там, кирпичи?

— Пинцеты.

— Пинцеты не бывают такими тяжёлыми.

— Мои бывают.

Он донёс коробку до машины, уложил, захлопнул крышку и не отошёл. Носком ботинка ковырял мокрый асфальт, где в луже плавал жёлтый лист.

— Папе что говорить?

— Что я работаю. Это даже правда.

— Вер. Если тебе плохо, ты скажешь?

— Если мне будет плохо, ты узнаешь первым. Сразу после того, как узнаю я.

Это было не обещание, но он кивнул так, будто принял его под расписку.

Таксист довёз её до Хорошёвского шоссе молча, а потом спросил, не к тем ли она, что в Серебряном Бору, ну, к этим. Вера сказала, что не знает, к каким «этим». Он понимающе хмыкнул и больше не заговаривал.

Дорога свернула в сосны. Асфальт стал чёрным и мокрым, заборы тянулись высокие, глухие, и за каждым угадывалась жизнь, которой не видно. Ворота в конце улицы открылись сами, раньше, чем машина затормозила. Дом стоял за ними в глубине участка: первый этаж из тёмного кирпича, второй деревянный, под крутой крышей. Два крыла расходились от центра, как руки, но не раскрытые, а сложенные. В правом горел свет. В левом окна закрывали ставни.

На крыльце, в вязаной кофте и домашних тапках, хотя было ноль градусов, стояла женщина лет шестидесяти с лишним. Руки скрещены на груди, в одной из них связка ключей. Она осмотрела Веру с ног до головы, потом коробку, потом такси.

— Это всё?

— Это всё.

— Худая-то какая, — сказала женщина. — Ветер подует, улетишь. Нина Павловна. Нинпална, если по-домашнему, но это ещё заслужить надо.

— Вера.

— Знаю, что Вера. Марик в городе, велел не встречать. — Она взяла у шофёра сумку, не спросив разрешения. — А я встретила. Он у меня много чего велит. * * * Внутри пахло воском, яблоками и печным теплом, хотя печи Вера не увидела. Холл с лестницей на второй этаж, дубовые перила, вытертые тысячами ладоней. Паркет скрипел так, как скрипит только настоящий, старый, на который полвека никто не клал ламинат.

— Обувь в шкаф, не на коврик, — говорила Нина Павловна, идя впереди. — Завтрак в восемь. Не в восемь пятнадцать, а в восемь, он не любит. Кофе в этом доме пьют, чай тоже пьют, но не из пакетиков, пакетиков не держим. Мусор не в раковину. Кошки нет, не ищи. И не курят здесь. Ты не куришь?

— Нет.

— Хоть что-то. Кира курит, так я ей на крыльцо пепельницу выставила. Говорит, бросила. Бросила она, как же.

Комната Веры оказалась на втором этаже, в правом крыле, ближе к лестнице. Большая, светлая, с окном на сосны и узкой кроватью, на которой лежало вафельное полотенце, свёрнутое в трубку. На столе у окна стояла лампа с гибким плечом.

Вера подошла к столу и провела ладонью по поверхности. Ровная, матовая, без лака. Тот, кто выбирал мебель, знал, что она работает руками. Или знал Нину Павловну.

— Стол заказали под твою работу, — сказала Нина, глядя на неё. — Марик велел. Я сказала: зачем ей, у неё свой. Он сказал: пусть будет. Лампу сама купила. Эта хоть светит, а то у него все как в морге.

— Спасибо.

— Не мне. Ему скажешь, если захочешь. Он не услышит, но ты скажи.

Они пошли по коридору обратно, и Нина показывала: ванная, бельевая, кабинет на втором этаже («это его, туда не заходи, он не любит»), лестница на мансарду. Коридор шёл дальше и упирался в двустворчатую дверь, высокую, светлую, с латунными ручками, потемневшими от времени.

— А это?

— Восточное крыло, — сказала Нина Павловна ровно. — Закрыто.

— Я читала правила.

— Читала, да. Вот и хорошо, что читала.

Вера подошла к двери, но не к ручке. Косяк был недавно перекрашен. Замок, наоборот, был старый, врезной, с большой замочной скважиной, в которую не заглянешь: изнутри её, похоже, закрывала накладка.

— Что там?

— Дом там стоит, — сказала Нина. — Остальное не мне рассказывать.

Вера протянула руку и коснулась дерева кончиками пальцев. Дуб, покрытый воском, тёплый только на вид. Под воском чувствовались мелкие царапины, вытертая полоса на уровне плеча, там, где десятилетиями прислонялись, открывая.

— Не гладь, — сказала Нина Павловна. — Не кошка. * * * Соня стояла на лестничной площадке между этажами. Вера увидела её, когда уже спускалась, и остановилась на две ступеньки выше, потому что у девочки был вид человека, который стоит тут давно и никуда не торопится.

Девять лет. Тоненькая, в сером свитере с растянутыми рукавами, в тёмных колготках. Светлые волосы до плеч, заколка сбоку, из-за уха торчал карандаш. К груди она прижимала альбом в твёрдой обложке, как прижимают щит.

— Соня, — позвала Нина Павловна. — Познакомься. Это Вера. Жена Марика.

Слова «жена Марика» никому из них не были впору. Вера подумала, что надо подойти, присесть, сказать что-нибудь тёплое. Она знала, как это делается: у всех знакомых матерей это

получалось само. Но из того, что она успела выучить о людях и бумаге, следовало, что подделку чувствуют раньше, чем видят.

— Здравствуй, Соня, — сказала она и осталась на месте.

Девочка не ответила. Она смотрела. Сначала в лицо, спокойно и без любопытства, как смотрят на часы, чтобы узнать время. Потом на руки. На пальце у Веры было новое кольцо, и она вдруг поняла, что девочка видит именно его. Потом взгляд перешёл на папку Славы, которую Вера несла под мышкой, и задержался. Потом вернулся к лицу.

Внизу тикали часы. Никто не двигался.

Соня развернулась и пошла вверх по лестнице. Ни слова. Ни шороха, она ходила по этим ступеням так, что дерево под ней не отзывалось. Хлопнула дверь где-то наверху, негромко, аккуратно, как закрывают книгу.

— Не обижайся, — сказала Нина Павловна, и в голосе её впервые за день не было ворчания. — Она с июля так со всеми. Врачи говорят, пройдёт. Врачи много чего говорят.

— Я не обижаюсь.

— Не обижаешься?

— Она проверяла.

— Что проверяла?

Вера посмотрела на пустой пролёт.

— Не знаю. Но не сдала, кажется. Или сдала. Это пока не видно.

Нина Павловна долго смотрела на неё. Потом хмыкнула, с одобрением или с сомнением, и пошла вниз, шаркая тапками.

— Борщ будет к восьми. Если Марик не опоздает.

— Он же не опаздывает.

— Вот и посмотрим, — сказала Нина, — как он сегодня домой явится. * * * Он не опоздал. Вера слышала, как в девятнадцать пятьдесят девять хлопнула входная дверь, и подумала, что человек, способный так рассчитать дорогу домой, наверняка рассчитывает и остальное.

Столовая оказалась длинной, с тяжёлым столом на двенадцать человек. Накрыто было на троих: два прибора рядом, на углу, и один напротив, у окна. Третий стул остался пустым.

— Не придёт, — сказала Нина Павловна, расставляя тарелки. — Я ей наверх понесу. Ты не жди.

Ветров вошёл с мокрыми плечами. Пальто он повесил сам, молча, и сел так, чтобы дверь оставалась в поле зрения, а стена за спиной. Вера отметила это второй раз и записала: привычка, не поза.

— Вы устроились, — сказал он.

— Это вопрос?

— Нет.

— Тогда да.

Нина Павловна поставила перед ним тарелку с борщом, потом перед Верой. От тарелок шёл густой свекольный пар.

— Марик, ешь нормально, не как на совещании.

— Марик? — переспросила Вера.

— Для всех он Марк Александрович, — сказала Нина, не смутившись. — Для меня Марик. Привыкай.

— Не привыкайте, — сказал Ветров.

Он взял ложку. Вера отломила хлеб. Некоторое время слышалось только, как ложки касаются фарфора, и это молчание было странно удобным: никому из них не нужно было его заполнять. Это настораживало.

— Соня не спустилась, — сказал он.

— Мы виделись.

— Она что-то сказала.

— Нет.

— Она с июля почти не говорит. Но вас она увидела.

— На меня посмотрели, как смотрят на документ, прежде чем решить, подлинный он или нет.

— И каков вердикт.

— Пока не вынесен.

Он кивнул. Помолчал, доедая хлеб.

— Не называйте её Сонечкой. Не гладьте по голове. Не обещайте того, чего не сделаете.

— Это три правила или одно?

— Одно.

— Вы составили мне инструкцию к ребёнку.

— К этому ребёнку.

— Она вам спасибо за это скажет?

— Она вам скажет, если вы нарушите. Она скажет это молча.

Нина Павловна, стоявшая в дверях с кастрюлей, сделала вид, что у неё что-то на плите.

— Нина Павловна показала вам дом, — сказал Ветров.

— Всё, кроме одной двери.

— Вы помните.

— Вы спрашиваете или проверяете?

— Проверяю.

— Помню.

Он поднял на неё глаза. Серые, как стальная проволока под лампой. Вера выдержала взгляд и подумала, что это самая странная проверка в её жизни: не на ложь, а на память. Как будто он хотел убедиться, что вещь работает.

— Хорошо, — сказал он и встал. — Завтра в девять водитель. Фонд, пропуск и знакомство с людьми. Спокойной ночи.

Слова «спокойной ночи» прозвучали ровно, как строка в протоколе. Но он задержался на секунду, у спинки стула, с рукой на дереве, и Вере показалось, что он хочет сказать что-то ещё. Не сказал. * * * К десяти вечера она разобрала сумки. Одежды оказалось на одну полку шкафа. Инструменты заняли стол: пинцеты, шпатели, кисть из беличьего хвоста, скальпель в чехле, лупа с латунной оправой, мамина, ещё с её стажировки в Историческом. Фальцбейн лежал отдельно, на сложенном вдвое полотенце. Вера поставила лампу под углом, чтобы свет шёл вдоль стола, и стала раскладывать всё по порядку, от крупного к мелкому. Руки занимались сами. Голова продолжала думать о двери в конце коридора.

Дверь комнаты она оставила приоткрытой, по привычке: в типографии двери не закрывали, чтобы слышать станок.

— Это для чего?

Соня стояла в проёме. В пижаме с мелкими звёздами, в шерстяных носках, с карандашом за ухом. Альбом она оставила, руки были пусты, и от этого девочка выглядела младше.

Вера не вздрогнула. Она продолжала раскладывать, чтобы дать ей время.

— Какое «это»?

— Белая палка.

— Это фальцбейн. Костяной нож. Им разглаживают сгибы, чтобы бумага не ломалась.

— Из кости?

— Из кости. Он папин. Старый.

Соня вошла. Не спеша, как заходят туда, где не уверены, что оставят. Остановилась у стола, не касаясь.

— А это?

— Лупа. Мамина.

— Ты на что смотришь?

— На то, чего не видно.

— Например?

— Например, когда человек врёт на бумаге. Нажим другой.

— Бумага врёт?

— Бумага — нет. Люди на ней.

Девочка обдумывала это серьёзно, как обдумывают таблицу умножения. Потом она подняла глаза, и в них не было ни одного вопроса, который можно было бы перепутать с детским.

— Ты его любишь?

Пинцет в руке Веры лёг на стол сам, тихо, параллельно краю. Шестой пункт стоял в памяти тем же шрифтом, каким была набрана вся остальная жизнь: *«Соне не врать»*. Вера подумала о тех словах, которые подошли бы взрослому, о тех, которые подошли бы ребёнку, и о том, что ни те ни другие не годятся.

Сказать «да» было бы легко. Сказать «это сложно» было бы ещё легче. Она не сказала ни того ни другого.

— Пока нет.

Соня смотрела на неё. Вера ждала чего угодно: что девочка уйдёт, что заплачет, что скажет что-нибудь страшное, как умеют дети.

Соня кивнула. Один раз, коротко, как кивают, когда ответ сошёлся.

Потом протянула руку и осторожно, двумя пальцами, тронула костяной нож. Провела по гладкой кромке сверху вниз.

— Тёплый, — сказала она.

— Он от руки.

— Ага.

Она убрала ладонь и пошла к двери. В проёме остановилась, не оборачиваясь.

— Мне говорили «да» про многое.

И ушла. Носки не издали ни звука. Вера осталась сидеть, глядя на костяной нож, и поняла, что только что сдала экзамен, о существовании которого узнала пять минут назад. * * * В третьем часу ночи она всё ещё не спала.

Где-то остывали трубы, на чердаке перекатывался ветер. В Лефортове по ночам ездили трамваи, и она засыпала под их гул. Здесь тишина стояла плотная, и в ней отчётливо слышалось собственное тело.

Первую ноту она приняла за скрип. Низкую, глухую, будто кто-то тронул струну в самом нижнем регистре и тут же прижал. Потом вторую. Потом фраза пошла.

Вера села на кровати.

Мелодия была простая. Это оказалось хуже, чем если бы сложная: простое запоминается. Восемь тактов, ровных, как шаги по знакомой лестнице, и повтор. Те же восемь. На девятом такте игравший останавливался. Не сбивался, а именно останавливался, как человек перед ступенькой, которой нет. Тишина длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы поверить, что всё кончено. Потом всё начиналось сначала.

Она накинула кофту и вышла в коридор в одних носках. Ночник у лестницы горел жёлтым пятном, дальше коридор проваливался в темноту, но она шла по памяти: тринадцать шагов до поворота, ещё девять до двери. Доски в одном месте проскрипели, и она замерла. Музыка не прервалась. Тот, кто играл, не слышал. Или не хотел слышать.

Дверь стояла в конце, высокая и светлая в полумраке. Из-под нижней кромки шла тонкая полоска света, чуть дрожавшая, как от свечи. Вера не стала подходить к ручке. Правило пятое она помнила. Она подошла только к косяку и положила ладонь на дерево, на то самое место, где стёрт воск.

Дуб слегка вибрировал. Мелодия шла через него, как через струну.

Рояль, подумала она. Откуда в закрытом крыле, в доме, где никто не живёт, рояль.

Восемь тактов. Повтор. На девятом снова тишина, на этот раз длиннее. Вера слушала, затаив дыхание, и поняла, что ждёт десятой ноты так же, как, наверное, ждёт тот, кто сидит по ту сторону.

Нота не пришла.

Вместо неё за дверью скрипнул пол. Один шаг, тяжёлый, мужской. Потом второй. Они приближались к двери с той стороны, медленно, как будто человек не был уверен, что хочет дойти.

Вера не отняла руки.

Шаги остановились прямо напротив неё, на расстоянии толщины дуба. Свет из-под двери перекрыла тень. Ручка не повернулась. Никто не произнёс ни слова. Они оба стояли и слушали друг друга сквозь дерево, и она не знала, кто из них отступит первым.

Глава 4. Идеальная пара

Первым ушёл он.

Эту подробность Марк потом перебирал, как мелочь в кармане: сумма не менялась, сколько ни считай. Он простоял у двери минуты три. Доска за ней просела ещё на его подходе, а потом больше ничего. Нина в такое время спала, Соня ходила так, что дом её не замечал. Оставался один вариант, и он не стал им заниматься.

Рука лежала на ручке и не нажимала. На рояле мигала лампа: проводка в крыле старая, он давно собирался её сменить и давно знал, что не сменит.

Потом он отступил. Не потому, что за дверью стояла Соколова. Потому, что на девятом такте ему, как всегда, нечем было продолжать, а продолжать при свидетеле, пусть и через дуб, он не умел.

Он погасил лампу, вышел за шкаф, в узкую дверь, которую не видно из коридора, и спустился по служебной лестнице. Ею не пользовались с тех пор, как в доме перестали держать прислугу. На площадке пахло яблоками: Нина хранила там антоновку в ящиках. Вторая лестница, короткая, выводила на второй этаж в обход коридора, в трёх шагах от кабинета.

Кабинет был таким, каким должен быть кабинет человека, у которого нечего искать: стол, два кресла, стеллаж с папками без надписей, окно на сосны. Марк сел так, чтобы за спиной была стена. Достал жёлтый блокнот и перьевую ручку, единственную, с золотым пером, стёртым до тусклого.

Три строки, как всегда, когда не спалось. Что есть. Чего нет. Что делать.

Слушание о постоянной опеке — через год. Глеб: совет директоров, голоса, обаяние. Довод Глеба: одинок, восемнадцать часов в сутки, нестабилен.

Первый пункт, брак, закрыли в субботу за двадцать две минуты. Второй он сократит до шестнадцати. Третий закрывался только сном, и этим он собирался заняться завтра.

Ниже, отдельно, он написал: *Соня.* Тридцать процентов «Ветров Групп», которыми до её восемнадцати голосует опекун. Для Глеба они были приложением к девочке. Для Марка наоборот, и эта разница была единственной причиной, по которой он вообще согласился на всё это. Отца он когда-то не защитил; сестру не отдаст.

Он перечитал. Зачеркнул слово «согласился» и написал «решил». Потом зачеркнул и это, оставил как было.

За окном стояла чернота, только фонарь у ворот выхватывал ближние сосны. Дом внизу скрипнул, остывая, и Марк прислушался, но ни шагов, ни досок не услышал. Дверь в конце левого коридора была в двадцати двух шагах отсюда, и он знал, что смотреть на неё не будет.

Он посмотрел на часы. Без четверти пять. Он не ложился. * * * Без одной минуты восемь он спустился в столовую и остановился в дверях.

За столом, на том месте, где вчера стоял нетронутый прибор, сидела Соня. Перед ней дымилась овсянка с маслом, рядом лежал альбом, раскрытый на чистой странице. Карандаш она держала не за ухом, а в кулаке, как нож.

Нина Павловна стояла у плиты спиной к комнате. Спина говорила, что она ничего не видела и сейчас тоже ничего не видит.

— Доброе утро, — сказал Марк.

Соня подняла глаза. Подождала, пока он сядет, пока устроит спиной к стене и лицом к двери, пока положит ручку параллельно краю тарелки.

— Я спросила у Веры, любит ли она тебя.

Половник звякнул о кастрюлю и замер.

— Когда, — сказал Марк.

— Вчера. Вечером.

— Что она ответила.

— «Пока нет».

Он обнаружил, что снова держит ручку, и не помнил, когда взял. Положил обратно. Параллельно.

— Тебя это не удивило.

— Нет.

— Почему.

— Она не соврала. — Соня покрутила карандаш. — Все говорят: «это сложно». Или «ты поймёшь, когда вырастешь». А она сказала, как есть.

— Это могло быть неправдой в обратную сторону.

— Нет. Про «да» я бы поняла.

Он помолчал. Нина Павловна отвернулась к окну и стала сосредоточенно вытирать подоконник, до которого от плиты было пять шагов.

— Ты бы сказал «да», — добавила Соня.

— Я бы сказал правду.

— Ты бы сказал: «Это не имеет отношения к делу».

Нина Павловна кашлянула в кулак. Марк подумал, что сухость ему досталась по наследству и что девятилетний ребёнок только что воспроизвёл её с точностью до паузы. Он не знал, чего в нём больше: раздражения или чего-то другого, у чего названия не было.

С июля Соня не сказала ему подряд больше трёх слов. «Да», «нет», «не хочу». Сегодня в её речи было пятьдесят. Он посчитал, пока она говорила, и ненавидел себя за то, что считает.

Часы в холле начали бить восемь. На последнем ударе в дверях появилась Вера. Джинсы, тёмный свитер, волосы собраны небрежно, на запястье красный след от резинки. Без перчаток. Он отметил это, хотя не хотел.

Она увидела Соню. Остановилась на полшага.

— Доброе утро, — сказала Вера. Всем сразу и никому.

— Доброе, — ответила Соня.

Нина Павловна повернулась к плите так резко, будто там что-то убегало.

Вера села напротив, на то место, где вчера стоял её прибор, и взяла хлеб. Если она и поняла, что произошло, виду не подала. Марк смотрел на неё поверх чашки и в первый раз за двое суток не мог определить, что у неё на уме. Это было неприятно. Он не любил документов без даты.

— В девять водитель, — сказал он.

— Я помню.

— Будете готовы.

— Я всегда готова. Это скучная сторона моего характера. * * * Дорога от Серебряного Бора до Сити в воскресенье заняла двадцать пять минут. Шёл мокрый снег пополам с дождём, дворники скребли по стеклу, на Хорошёвке у остановки стоял одинокий человек с огромной шарлоткой в пакете. Водитель смотрел вперёд с видом человека, оглохшего по должности.

Марк дождался Звенигородского шоссе.

— Вы сказали Соне, что не любите меня.

— Я сказала «пока нет». — Вера смотрела в окно. — Вам донесли, или она сама?

— Она сама.

— Значит, заговорила. — Она повернулась. — Это ведь хорошо?

— Это опасно.

— Одно другому не мешает.

— Она повторит это любому, кто спросит. Опека. Психолог. Глеб.

— Правило шесть.

— Правило шесть требует не лгать. Оно не требует отвечать.

— Девятилетняя девочка спросила меня в лоб в моей комнате. — Голос у неё стал очень вежливым. — Что мне оставалось? Промолчать? Она понимает молчание лучше слов. Отшутиться? Так мне пойти и купить ей конфет, чтобы отвлечь?

— Вы могли сначала сказать мне.

— Что? Что ваша сестра задаст вопрос, на который вы сами не ответили бы?

Марк не ответил. Злость стояла в горле ровным комом: она решила за него, и решила так, как решил бы он сам. Именно это бесило. Мимо проплыла высотка Сити: сверху её срезало облаком, как будто кто-то подчистил по краю. Он помнил каждый этаж.

— Благодарю за уточнение, — сказала Вера. — В следующий раз буду согласовывать с вами ответы. Письменно, с печатью.

— Вы рискуете делом.

— Дело — это она?

Она спросила негромко, без нажима. Марк открыл рот и закрыл. Он ждал чего угодно: оправданий, слёз, упрёка, торга. Он не ждал, что она задаст вопрос, на который у него есть только неудобный ответ.

— Дело — это опека, — сказал он наконец. — И переходи на «ты». Глеб «вы» не поверит.

— Хорошо. Только не путай её с делом, когда говоришь с ней. Она заметит.

Машина свернула на Краснопресненскую набережную. Вера отвернулась обратно к стеклу. Ему показалось, что в отражении она всё ещё смотрит на него.

Он мог бы заметить, что она не отпиралась. Что на любой его вопрос она отвечала сразу и не просила времени подумать. Он заметил. И сложил в ту часть головы, где хранил то, чего не собирался использовать. * * * На шестьдесят первом этаже в воскресенье было тихо. Только охранник у лифтов, да ровный гул вентиляции, да Кира в переговорной, в белых кроссовках, с телефоном под подбородком и стопкой договоров.

Вера сидела напротив неё, за стеклянной стеной, и подписывала. Марк видел, как она берёт каждую страницу, не читая вслух и не торопясь, как переворачивает к свету и проводит пальцами по краю, а потом уже читает. Все пятьдесят страниц приложений к соглашению о конфиденциальности.

— Она читает, — сказала Кира, вернувшись в кабинет и прикрыв за собой дверь.

— Я вижу.

— Никто не читает. Юристы не читают. Ты не читал.

— Я его писал.

— Писала я. — Она села на подлокотник кресла. От неё пахло мятой и, под мятой, табаком. — Я юрист, а не твоя совесть, но предупреждаю: ты бросил её сразу в самое тёмное, а она не моргнула.

Марк не стал комментировать запах.

— Слушание, — сказал он.

— Слушание. — Кира перебросила ногу на ногу. — Ровно через год. Глеб подал иск, что ты одинок, перегружен и нестабилен. Суд любит три вещи: брак, прописку и отсутствие статей в прессе. Первое мы купили.

— Второе есть.

— А третьего у тебя нет с двух тысяч пятнадцатого года. «Сын, который продал отца». Эти статьи поднимут за три дня, у Глеба есть кому. — Она загнула палец. — Теперь ставка. Опека — это не Соня. Это тридцать процентов и голос. Если опекуном станет Глеб, у него на руках совет и ещё треть голосов. Дальше он делает с холдингом что хочет.

— Соня — это Соня.

— Я знаю. Я говорю тебе то, что скажет судья.

Он промолчал. За стеклом Вера дошла до последней страницы и отложила ручку. Не подписала сразу: поднесла лист к лампе, проверила что-то по краю. Подписала.

— Она сказала Соне, что не любит меня.

Кира подняла глаза.

— Прямо так?

— «Пока нет».

— Господи. — Она потёрла переносицу. — И Соня?

— Заговорила со мной. Пятьдесят слов.

— Считал?

— Да.

— Для суда это плюс.

— Это опасно.

— Плюс не отменяет риска. — Кира встала, прошлась до окна, посмотрела вниз, где Москва лежала под дождём, как мокрый лист на стекле. — Марк. Ты выбрал её из-за компромата. Когда она узнает, ты её потеряешь.

— Нельзя потерять то, чего нет.

Он сказал это ровно, как говорил всё. Кира не обернулась. Минуту она рассматривала башню напротив, потом достала из кармана жвачку, развернула, сунула в рот.

— Запишу в протокол как красивое, — сказала она. — И отдельно как глупое.

— Записывай.

— Я с ней пока на «вы». — Кира кивнула на стекло. — Пока не пойму, на чьей она стороне. Но если она читает мои договоры от и до, то, чёрт возьми, я начинаю к ней присматриваться.

Она вышла. Через стекло Марк видел, как она садится напротив Веры и протягивает ей следующую стопку. Вера взяла верхний лист, не глядя на Киру, и поднесла к свету. * * * Домой он вернулся в восемь. Нина Павловна встретила его на пороге с тряпкой в руках, что бывало редко и всегда не к добру.

— Марик. Она сказала Вере «передай соль».

— Кто.

— Соня. За ужином. Целую фразу: «Вера, передай, пожалуйста, соль». — Нина шмыгнула носом. — Пожалуйста, слышишь? Я уж думала, у них в школе забыли это слово.

— Они не забыли.

— Забыли, забыли. Ты вон тоже забыл. — Она махнула тряпкой. — Иди ешь, холодное, но съедобное.

Он не стал есть. Поднялся в кабинет, сел, открыл ноутбук. В углу экрана жила привычная картинка: восемь окошек с камер. Холл, лестница, ворота, кухня, коридор второго этажа. Он сам расставлял их после июля, когда в дом мог прийти кто угодно.

Коридор. Дверь Веры приоткрыта. В щель падал жёлтый свет.

Он нажал на окошко, чтобы увеличить, и увидел: Вера сидит за столом с лупой, Соня стоит рядом, на цыпочках, держа в руках лист бумаги. Говорили, но на записи не было слышно.

Он смотрел сорок секунд. Потом закрыл крышку ноутбука.

Вины он не почувствовал. Он понял: если продолжит смотреть, будет проверять. А проверять человека, который сказал девочке «пока нет», значило признать, что она может соврать. Она не могла. Он знал это про неё уже двое суток и только сейчас допустил, что знание не обязательно требует подтверждения.

Он вышел в коридор. Прошёл ровно до того места, откуда был слышен её голос. Ближе не подошёл.

— Вот это хлопок, — говорила Вера. — Видишь волокна? Длинные. Они держат бумагу, как арматура. А это древесная масса. Короткая, ломкая, с кислотой. От неё бумага желтеет.

— А это? — Голос Сони. Тихий, без нажима.

— Это пятно. Сорок лет назад кто-то пролил чай.

— Чая жалко?

— Чая нет. Бумагу да.

— Почему?

— Потому что она ничего не может сказать в своё оправдание.

Он стоял в полутьме, и впервые за много лет ему захотелось, чтобы кто-то рядом спросил, о чём он думает. Никого не было. Он развернулся и пошёл обратно, и доски под его ногами не скрипнули, потому что он знал, на какие наступать.

В кабинете он сел и написал на жёлтом листе слово «Вера». Посмотрел на него. Зачеркнул и вывел сверху «Соколова». Так было привычнее. Так было безопаснее.

Он знал, что вторая запись неправда. * * * Телефон зазвонил в начале одиннадцатого. На экране: «Глеб».

Марк дал ему прозвониться три гудка. Это было правило: не отвечать на первом, потому что на первом отвечают те, кто ждёт.

— Мальчик мой! — Голос в трубке был тёплым, широким, как шерстяное одеяло. — Я узнаю последним! Из совета, Марк, от постороннего человека! Что мой единственный племянник женился, а я, старый дурак, сижу и не знаю, что поздравлять!

— Здравствуй, Глеб.

— Здравствуй, дорогой, здравствуй. Нет, ты скажи мне, разве так можно? Я ведь тебя вот таким помню, с коленками. Ты у меня в Барвихе на яблоне сидел. А тут свадьба, и ни слова.

— Всё случилось быстро.

— Быстро! Любовь быстро и случается, я-то знаю. — Он засмеялся, будто разглядывал хорошую шутку и не хотел спешить её закончить. — Я не в обиде. Ни капельки. Только знаешь что? Мне нужно её увидеть. Я должен её обнять. Это не просьба, мальчик мой, это возраст.

— Мы заняты.

— В субботу. У меня дома. Только семья: ты, она, Сонечка.

— Её зовут Соня.

— Прости, прости, привычка старика. Соня. — Пауза, в которой слышалось, как Глеб улыбается. — Ты всегда был таким самостоятельным, Марк. Отец бы гордился. Ах, прости, что я это говорю.

Рука Марка с ручкой лежала на столе неподвижно. Он смотрел на неё как на чужую.

— Мы будем, — сказал он.

— Вот и славно. Знаешь, я тут почитал немного про твою избранницу. Ничего такого, просто из интереса. Соколова. Типография в Лефортове, да? Какая прелесть: настоящее ремесло, династия. Я обожаю хорошую печать.

Перо в пальцах дрогнуло и оставило на листе чернильную точку, маленькую, ровную, как укол.

— Передай ей, что я жду, — сказал Глеб. — И не забудь её обнять от меня.

Короткие гудки.

Марк положил телефон экраном вниз. Потом, подумав, перевернул обратно. Открыл календарь, нашёл субботу, вписал одно слово: «Ужин». Ровными буквами, без нажима.

Чернильная точка на жёлтом листе медленно впитывалась в бумагу, расплываясь в стороны тонкими волокнами. Он смотрел на неё долго. Потом закрыл блокнот.

Глава 5. Семейный ужин

Платье привезли в пятницу, вместе с запиской Киры: «Тёмно-зелёное, шерсть, закрытое. Глеб любит смотреть и не любит, когда видно, что смотрят». Вера положила записку в карман и целый день проходила с ощущением, что носит в нём чужую руку.

В субботу, в половине седьмого, она стояла перед зеркалом и не могла застегнуть крючок между лопаток.

— Дай сюда, — сказала Нина Павловна, не спрашивая, и вошла без стука. Пальцы у неё были толстые, горячие, пахли укропом. — Дышать-то можно? Не надо, не отвечай, вижу, что нельзя. Выдохни, не то порвём.

— Я дышу.

— Ты стоишь по стойке «смирно». Вот так. — Крючок поддался. Нина оправила ей плечи, как поправляют скатерть. — Накинь платок. В Барвихе дует, у них там сосны голые, ветер гуляет, как в трубе.

— Вы там бывали?

— Один раз. На похоронах. — Она подобрала с кресла серую шаль и сунула Вере в руки. — Не кормись там всем подряд. Руки не мой в чужой ванной, а то полотенца у них с монограммами, потом неудобно.

— Это совет или предостережение?

— Это Нина Павловна. — И вышла, не оглянувшись.

В дверях, прислонившись плечом к косяку, стояла Соня. Тёмное платье с белым воротником, чёрные колготки, альбом под мышкой. Вера не слышала, как она подошла: эта девочка двигалась по дому, как сквозняк.

— Ты возьмёшь альбом?

— Он всегда со мной.

— У дяди Глеба будут вопросы про рисунки.

— Он всегда спрашивает. — Соня постучала карандашом по обложке. — Что я хочу. Потом решает сам.

Вера обернулась от зеркала.

— Тебя это раздражает?

— Он говорит «Сонечка».

— А ты?

— Я говорю «Соня». Он говорит: «Конечно». И снова «Сонечка».

— Можно попробовать не отвечать.

— Я пробовала. Он тогда начинает гладить по голове. — Соня подняла глаза. Взгляд у неё был не детский, оценивающий, какой бывает у человека, разглядывающего чужую подпись на просвет. — Ты с ним тоже будешь так, как со мной?

— Как?

— Не так, как со взрослыми.

— Буду стараться.

— Не старайся. Он замечает, когда стараются.

Внизу пробили часы. Вера взяла шаль, повернулась к двери, и Соня посторонилась, пропуская её, но в последнюю секунду схватила за рукав двумя пальцами. Тут же отпустила, будто обожглась.

— Мне будет нужен знак, — сказала она тихо. — Если захочу уйти.

— Какой?

— Придумай ты. Ты лучше придумываешь.

Вера подумала.

— Тронешь ухо. Левое.

Соня кивнула и первой пошла вниз, ровно, не касаясь перил. * * * Дом Глеба стоял в Барвихе за двумя рядами сосен, и в окнах горел свет во всех комнатах, как будто хозяин ждал не гостей, а целый полк. Дождь со снегом прекратился, мокрая гравийная дорожка блестела под фонарями. На крыльце, под козырьком, в вязаной жилетке поверх рубашки, с раскинутыми руками, стоял крупный седой человек. От машины Вера увидела его улыбку раньше лица.

— Приехали! — Он сбежал по ступенькам с проворством, которого от такой фигуры не ждёшь. — Лёша, дорогой, как мама, выписали? Выписали, вот и славно, передай ей от меня… Марк!

Он обнял племянника. Марк позволил, как позволяют надеть на себя пальто: поднял руки, опустил, на лице ничего не дрогнуло. Глеб похлопал его по спине, отстранился, держа за плечи, и заглянул в глаза.

— Худой. Ты опять не ешь. Нина тебя не кормит?

— Нина меня кормит.

— Значит, ты не ешь. — Глеб повернулся к Вере и замер, будто увидел картину, которую давно мечтал повесить над камином. — Так вот ты какая.

И обнял её. Крепко, тепло, с запахом сдобы, табака и дорогого одеколона, с широкой ладонью между лопаток, ровно там, где Нина застёгивала крючок. Вера простояла в этом объятии три секунды, считая. На четвёртой он отпустил.

— Дорогая. Дорогая моя. Дай посмотрю. Ну, Марк, ну, ты и скрытник. Руки покажи.

Она показала. Глеб взял обе в свои, перевернул и долго разглядывал ладони, пальцы, короткие ногти без лака.

— Рабочие руки. Сейчас это редкость, у всех маникюр. Мама моя такие же имела. Мне всё казалось: если эти руки что-нибудь тронут, оно станет лучше. — Он улыбнулся. — Ты ведь чинишь, да? Я читал.

— Читали.

— Из интереса! Только из интереса, не сердись. — И, не меняя тона: — А это кто у нас прячется?

Соня стояла на ступеньку выше и дальше, чем следовало. Глеб протянул руки.

— Сонечка.

— Здравствуйте, — сказала Соня и осталась стоять.

Он обнял её сам, присев, обхватив вместе с альбомом. Она не отстранилась и не обняла в ответ, только смотрела поверх его плеча на Веру. Левая рука, свободная, висела вдоль тела. Ухо она не трогала.

— Холодно, — сказал Глеб, поднимаясь. — Все в дом. Тамара пирогов напекла на роту.

В прихожей пахло антоновкой и воском. Вера отметила, что дом, в котором всё время кого-то ждут, пахнет иначе, чем дом, в котором живут. Марк, проходя мимо, чуть повернул голову, не к ней, а в её сторону, и сказал так тихо, что услышала только она:

— За столом я возьму вас за руку. Это четвёртое, не седьмое. Скажите, если нет.

Она могла бы промолчать. Могла бы съязвить. Она сняла шаль, повесила на крючок.

— Да, — сказала Вера. * * * Столовая была рассчитана человек на двадцать, накрыли на четверых, и от этого стол казался палубой. Горел камин. На блюде лежала утка с яблоками, рядом стояли пироги, солёные грузди в миске и графин с компотом для Сони.

Глеб рассадил всех сам. Марка — спиной к стене, будто знал. Веру — рядом с ним, Соню напротив, возле себя.

— Я за этим столом, Вера, сорок лет сижу, — говорил он, разливая. — Здесь Сашка с Леной сидели, вот на твоём месте. Брат мой старший. Марк, ты же помнишь, как отец ругался из-за скатерти?

— Помню.

— И мать твоя. Ох, красавица. — Глеб осёкся и махнул рукой. — Простите, старик, всё про прошлое, а нужно про будущее. Я только про будущее и хочу. Сонечка, возьми грибочек.

— Соня.

— Соня. Конечно. Прости, дядя Глеб старый.

Он положил ей грибов и сразу вернулся к Вере, будто ничего не произошло.

— Знаешь, о чём я думаю по ночам? Об этой девочке. Ей девять. Ольга ушла в июле, царствие небесное, и вот остался ребёнок. И вокруг ребёнка — башни, охрана, камеры. Я не про вас, мальчик мой, ты старался. Я в целом. Девочке нужен воздух.

— У неё есть воздух, — сказал Марк.

— Конечно, конечно. Я о том, что Ольга мечтала о школе в Швейцарии. Там горы, маленькие классы, рисование каждый день, она мне рассказывала. У них, понимаешь, природа за окном. А летом ко мне. У меня конюшня, Тамара печёт, дети соседские. Девочка должна бегать.

— Я не бегаю, — сказала Соня.

— Ещё побежишь!

— Я не хочу.

— Захочешь! — Он засмеялся. — Все дети сначала не хотят, а потом не вытащишь.

Вера наблюдала за его руками. Они ни на секунду не оставались без дела: подкладывали, наливали, поправляли салфетку, стряхивали крошку с рукава Марка. Руки человека, привыкшего, что ему отдают предметы. Ни одной угрозы в словах, и, слушая, Вера всё равно чувствовала, как комната медленно складывается в пакет, в который уже уложили нужного ребёнка.

Под столом что-то коснулось её пальцев.

Она не вздрогнула. Рука Марка, тёплая, сухая, легла поверх её руки, ладонью вниз, и остановилась, ожидая. Вера перевернула ладонь. Это вышло само, как переворачивают лист, чтобы лучше увидеть оборот. Его пальцы сомкнулись. На среднем был жёсткий бугорок от ручки, ровный, как плотная проклейка на краю листа. Вера «прочитала» его почти против воли: возраст, нажим, многолетняя привычка.

Над столом Марк резал утку левой рукой и не смотрел на неё. * * * — А ты, дорогая, — сказал Глеб, накладывая ей пирог, — чем занимаешься, кроме того, что делаешь моего племянника счастливым? Я знаю, что реставрируешь. Но что именно?

— Бумагу.

— Только бумагу?

— Документы. Книги. Письма.

— Письма! — Он поднял палец. — Это, наверное, страшно интересно. Человек пишет, думает, что никто не прочтёт, а через сто лет приходит такая вот, с лупой, и всё про него знает.

— Не всё. Только как давили на перо.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Глеб рассмеялся. Он умел смеяться так, что хотелось засмеяться вместе, и Вера напомнила себе, что уже с первой минуты считает, сколько ему стоит это умение.

— А учиться где? Нет-нет, не бойся, я не экзаменатор. Просто у меня племянница двоюродная в Строгановке, всё твердит, что туда сложно.

— Там, где этому учат.

— Умно. Ответила и ничего не сказала. — Он подмигнул Марку. — Берегите её, молодой человек, такие на дороге не валяются. А практика? Нынче молодёжь без практики никуда. Говорят, по галереям берут стажёров.

— Берут.

— А я вот слышал, на Солянке была одна, прелестная такая, там брали умных девочек. — Он откусил пирога и прожевал не спеша. — Не ты, случайно?

Пальцы Марка под столом сжались. Не резко, но Вера почувствовала каждый сустав, и этот нажим был единственным, что связывало её в ту секунду с реальностью: тёплый, определённый, почти болезненный.

— На Солянке много галерей, — сказала она.

— Много, много, это верно. Я и забыл. — Глеб улыбнулся. — Всё путаю. Года.

Он повернулся к Соне, спросил про альбом, про карандаши, про то, какая в школе погода на душе. Вера смотрела в тарелку. Рука Марка не отпускала. Через минуту она поняла, что тоже держит его: пальцами, всей ладонью, как держатся за поручень. Она хотела разжать и не разжала.

Соня, отвечая, дважды обратилась к дяде на «вы», ни разу не сказала «спасибо» и в конце, когда Глеб потянулся погладить её по голове, откинулась так, будто искала спинку.

Левое ухо она не тронула. Вера всё равно встала.

— Глеб, где у вас можно помыть руки?

— Налево по коридору, дорогая. Тамара покажет.

— Соня, пойдём. Ты тоже, у тебя пальцы в масле.

Соня слезла со стула так быстро, что стул качнулся. * * * Прощались долго. Глеб вынес Соне пакет с пирогами, Вере сунул банку грибов, Марку предложил остаться на коньяк, получил отказ, всплеснул руками и обнял ещё раз. Вере он сказал на ухо, пока обнимал, тихо, ласково:

— Береги его, дорогая. Он не умеет, когда его берегут.

— Я учту, — ответила она очень вежливо.

Он отстранился, посмотрел на неё долгим тёплым взглядом и сказал уже вслух, для всех:

— Какая она у тебя. Просто золото.

Машина тронулась. Ворота за ними закрылись без звука. Соня заснула почти сразу, на заднем сиденье, под пальто Марка, которое он накинул на неё, не спросив. Она свернулась калачиком, альбом под щекой, как подушка.

Минут десять ехали молча. Рублёвка тянулась мокрой чёрной лентой, редкие фонари выхватывали сосны и тут же теряли. Водитель слушал радио так тихо, что оно, казалось, играло для самого себя.

— Благодарю за вечер, — сказала Вера.

— Не за что.

— Было познавательно. Утка очень хорошая. Грибы, я смотрю, домашние. — Она помолчала. — Вы могли предупредить.

— О чём.

— О том, что человек, который обнимает на пороге, смотрит на руки как на документы.

— Он обнимает всех.

— Я заметила. Мне показалось, что он сначала измеряет, а потом обнимает.

— Он так делает.

— Благодарю, это очень помогает.

Марк смотрел перед собой.

— Что вы хотите услышать.

— Что он опасен.

— Он мой родственник. Дядя. Он пёк мне блинчики в детстве. Вы этого хотите.

— Нет. — Голос у неё стал совсем тихим и совсем вежливым, и она знала, что это дурной признак. — Я хочу услышать, что в доме, куда мы едем, мне будут задавать вопросы про мою жизнь, и я должна знать зачем. Я хочу услышать, что он занимается опекой над девочкой не из любви к рисункам. Что у него есть люди, которые читают про меня «из интереса». Что вы знали это, когда подсовывали мне контракт.

— Это в контракте.

— Нет. В контракте есть правило четыре. Там нет ни слова о том, что меня на ужине будут ощупывать, как…

Она не договорила. Хотела сказать «как лот», но слово было слишком точным, слишком её, и она не отдала его.

— Ты не сказал, что он опасен, — сказала Вера.

Слово «ты» вышло само, ровно, как будто уже давно лежало в кармане. Марк не повернул головы, но его рука, лежавшая на колене, на секунду замерла.

— Ты не спрашивала, — сказал он.

Он не поправился и не сделал паузы. Просто ответил ей на «ты», как будто так было всегда.

— Я не знаю, когда ты врёшь.

— Я не вру. Я не договариваю.

— Это то же самое. Только удобнее.

— Нет.

— Чем отличается?

— Тем, что ложь можно проверить. Я даю проверить.

— Чем? Ты умеешь так говорить, что проверять нечем.

Он промолчал. Мимо проплыла заправка, огромная, как аэропорт, с пустыми колонками. Вера смотрела на её отражение в стекле и вдруг поняла, что руки у неё лежат на коленях и дрожат мелкой дрожью, которую она знала, но не часто видела: так бывает от обиды, когда не на кого злиться.

— Он спрашивал про практику, — сказал Марк. Голос был совершенно ровный. — У тебя есть что мне сказать.

Это был не вопрос. Вера повернулась.

Он смотрел на неё. Не как за столом, а прямо, в упор, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни просьбы. Только ожидание. И она, которая в жизни не умела просить, вдруг поняла, что он тоже не умеет и сейчас стоит перед дверью, с рукой на ручке.

— Нет, — сказала она.

— Хорошо.

Он отвернулся. Это «хорошо» прозвучало так, как говорят о документе, который уже прочли, но решили не предъявлять. Он не станет настаивать.

Они проехали остаток пути в молчании. На заднем сиденье что-то чуть шевельнулось и затихло. * * * Дома Марк сам вынул Соню из машины, перехватив под колени, и понёс вверх по лестнице, держа так аккуратно, будто в руках у него был лист, который нельзя согнуть. Вера шла сзади с пакетом пирогов и банкой грибов, не зная, куда их деть.

У двери Сониной комнаты он остановился.

— Спокойной ночи, — сказал он, не оборачиваясь.

— Спокойной.

Дверь закрылась. Вера постояла в пустом коридоре, потом пошла к себе. Банку поставила на подоконник. Пироги положила на стол и тут же отодвинула, чтобы не смотреть.

Она сняла платье, повесила на спинку стула, надела старую рубашку. Включила лампу. Достала из сумки сложенные в тряпицу инструменты: костяной нож, скальпель, кисти, маленький кусок японской бумаги. Раскатала тряпицу на столе. Нужна была работа без смысла, с одной только целью: чтобы пальцы знали, что делать.

Она резала бумагу по линейке полоской в два миллиметра. Потом ещё. Потом ещё. К часу ночи на столе лежала горка тонких, как нитки, лент, и Вера поймала себя на том, что считает: сколько ни режь, число складывается в одно и то же.

Вы читали про меня «из интереса».

Ты не спрашивала.

Она потушила лампу в начале третьего. Постояла в темноте. Хотелось пить, и она взялась за ручку, чтобы дойти до кухни, но дверь открылась только наполовину и мягко упёрлась во что-то живое.

Вера опустила глаза.

На полу, в узком коридоре, у самого порога, лежала Соня. Подложила под голову альбом, укрылась пледом с дивана в холле, подтянула колени. Босые ноги торчали из-под пледа. В кулаке был зажат карандаш, а другой рукой она держалась за плинтус.

Спала Соня крепко, по-настоящему. Левое ухо осталось открытым, и Вера долго стояла, не решаясь пошевелиться: знака никто не подавал, но уйти Соня хотела, и пришла именно сюда.

Глава 6. Почерк

В понедельник выпал первый настоящий снег. Не мокрая каша, как всю прошлую неделю, а сухой, крупный, он лёг за ночь на двор и придавил сад так, что ветки яблонь у ограды стали похожи на бумажные силуэты. Вера смотрела на него с кухни, обхватив ладонями чашку, и делала вид, что не замечает Нину Павловну, которая в третий раз за утро переставляла сковородку.

Соня пришла в начале девятого, одетая к школе, с альбомом и без единого слова. Села на своё место, придвинула тарелку с овсянкой и долго разглядывала ложку.

— Ты не спрашиваешь, — сказала она.

— О чём?

— Почему я спала у твоей двери.

— Ты хочешь, чтобы я спросила?

— Нет. — Соня зачерпнула кашу и не донесла до рта. — Я хочу, чтобы ты знала, что я не упала с кровати.

— Я и не думала, что упала.

— Нина думала.

— Я думала, что ты лунатичишь, — сказала Нина Павловна, не оборачиваясь. — Потому что нормальные дети в два часа ночи спят в кроватях, а не в коридорах, как собаки.

— У тебя в комнате слышно, как ты дышишь, — сказала Соня Вере, будто Нины здесь не было. — А у меня не слышно ничего.

Вера хотела ответить и поняла, что любой ответ будет либо слишком мягким, либо слишком взрослым. Она кивнула. Соня кивнула в ответ, и они обе занялись едой, как два человека, которые только что подписали бумагу и не хотят её перечитывать.

Телефон на стене зазвонил, когда Игорь уже прогревал машину. Нина вытерла руки о фартук, послушала, сказала «поняла» и «сейчас» и повесила трубку с таким лицом, будто ей предложили вынести рояль.

— Папку ему надо. Синюю, из кабинета, со стола. Игорь внизу, а у меня ноги не казённые. Сходи.

— В кабинет.

— В кабинет. — Нина вынула из кармана фартука ключ на выцветшей ленточке. — Он сам велел. Взять и выйти. Я двадцать пять лет туда с тряпкой хожу, и ничего, стены стоят.

— Правило пять.

— Правило пять — это когда без спросу. А тут спросили. Иди, пока он там сам не приехал, а то будет ещё хуже.

Соня подняла глаза от тарелки. Вера увидела, что девочка смотрит не на неё, а на ключ, и что эта мелочь почему-то важна.

— Я быстро, — сказала Вера.

— Ты не быстро, — ответила Соня. — Ты там будешь смотреть. * * * Кабинет был в конце второго этажа, и у двери Вера задержалась на секунду дольше, чем нужно, держа ленточку двумя пальцами, как держат пинцетом нить. Замок открылся без звука. Его смазывали.

Комната оказалась меньше, чем она представляла. Тёмное дерево, шторы цвета сухого кофе, ни одной картины. Книжные полки до потолка стояли с аптекарской аккуратностью, и корешки были выстроены по высоте, а не по смыслу. Письменный стол стоял так, что тот, кто сидит за ним, видит дверь и не видит окна. Вера отметила это и отложила, как откладывают лист на просушку.

Синяя папка лежала слева, на краю. Вера взяла её, взвесила в руке, повернулась к двери.

И увидела лампу.

Лампа стояла в центре стола, с зелёным абажуром, включённая. Светила не на столешницу, а на прозрачный файл, и в файле лежал один лист. Рядом, ровно под прямым углом к листу, лежали лупа в латунной оправе и перьевая ручка с надетым колпачком. Всё остальное на столе было убрано. Так выставляют на витрине единственный экспонат.

Вера собиралась только взглянуть. Она сказала это себе и сама не поверила.

Это была копия: серая, зернистая, с растёртым по краю тонером. В правом верхнем углу стоял штамп: «Копия верна», номер тома, номер листа, ниже круглая печать, которую уже не разобрать. Письмо занимало две трети страницы. Сверху: «14 марта 2012 г.»

Содержания она не читала. Она потом удивлялась этому: ни одного слова из текста не задержалось у неё в голове. Глаза пошли по тому, по чему они шли всегда, с шестнадцати лет, с первого дня в мастерской: по строке целиком, как по рельсу. Наклон. Высота букв. Просвет между словами. То, как заканчивается слово: рука либо отрывается чисто, либо тянет хвост.

Рука Александра Ветрова не тянула хвостов.

Вера взяла лупу, не заметив, что взяла, и наклонила лист к лампе. Копия, бумаги в ней нет, офисная, белая, ничего не скажет. Но и по копии видно, как рука ведёт линию, где замедляется, где разгоняется. Она повела лупой вдоль первой строки. Потом второй. Линия шла ровно. Очень ровно. На буквах «д» и «у» петли замыкались аккуратно, как в прописях, но для человека, пишущего письмо, которое решает чью-то судьбу, это было слишком спокойно. Или слишком внимательно. Она не могла выбрать слово.

Что-то было не так. Это чувство она знала: слово, которое повторяешь, пока оно не теряет смысл, и всё равно чувствуешь, что в нём лишняя буква. Вера поднесла лупу ближе, к подписи. «А. Ветров» шло одним махом, с разлётом, уверенно. Текст над ним такого разлёта не имел.

Она провела пальцем над строкой, не касаясь.

— Отойди от стола.

Голос был тихий. Вера не слышала шагов, не слышала двери: только свет в проёме изменился, и воздух стал плотнее. * * * Марк стоял на пороге в чёрном пальто с мокрыми от снега плечами. Руки в карманах. Он, видимо, не стал ждать, пока Игорь довезёт папку, и приехал сам.

Вера положила лупу. Ровно туда, где та лежала: латунью вдоль края файла, ручкой к себе. Миллиметр в миллиметр. Привычка, которая в ту секунду выглядела почти вызовом.

— Я пришла за папкой, — сказала она.

— Папка у тебя в руке. К столу я не звал.

— Да.

— Правило пять.

— Нина Павловна сказала, что ты разрешил войти. Взять и выйти. — Голос у неё стал ровным и очень вежливым, и она слышала это, как слышат собственный пульс. — Я вхожу в положение: формулировка допускала толкование. Я взяла. Выйти не успела. Приношу извинения, больше не повторится.

— Не надо.

— Чего не надо?

— Этого тона.

Он не двинулся с порога. Не повысил голоса. Наоборот: чем дальше, тем тише он говорил, так, что приходилось вслушиваться. Вера поняла, почему его боятся на переговорах.

— Что ты видела.

— Копию.

— Что ты в ней видела.

— Что-то не так.

Тишина стала такой, что слышно было, как тикает остывающая лампа.

— Это письмо моего отца, — сказал Марк. — Эксперты читали. Им платили.

— Платили — не значит читали.

— Суд принял его как доказательство.

— Суд принимает как доказательство и то, что дважды два пять, если на это есть печать. — Она шагнула к краю стола. — Я не говорю, что оно поддельное. Я не знаю. Я смотрела на него минуту. Мне нужно больше, мне нужен оригинал, нужен свет, нужна бумага. Но я знаю, как выглядит письмо, написанное в гневе, и как выглядит написанное в страхе. Это не похоже ни на то, ни на другое, и я не понимаю почему. А ты…

— Хватит.

— Ты ни разу не смотрел на этот документ как на документ, — сказала Вера. — Только как на приговор.

Он не изменился в лице. Ни тени, ни дрожи. Только пальцы в кармане, наверное, сжались, и это она угадала по тому, как чуть опустилось плечо.

— Выйди, — сказал Марк.

— Я…

— Выйди из кабинета.

Она прошла мимо него, держа папку перед собой, как щит. В дверном проёме им пришлось на секунду оказаться совсем рядом, она почувствовала запах снега и холодной шерсти, и он даже не посторонился. Вера остановилась на пороге и, не оборачиваясь, протянула ему папку.

Он не взял.

Она положила её на подставку для обуви у двери. Спустилась по лестнице, не касаясь перил. У входной двери Нина Павловна, стоявшая в холле с полотенцем, открыла рот и закрыла его.

— Он велел взять и выйти, — сказала Вера. — Я взяла. * * * Мастерская консервации находилась в подвале здания архива, в двух кварталах от Ильинки, и туда не доходили ни снег, ни время. Пахло клейстером из пшеничного крахмала, мокрой бумагой и старым дубом шкафов. Вера пришла к девяти во вторник, как будто в понедельник ничего не случилось, повесила пальто, проверила воду в ванне и разложила на столе то, что ждало её третью неделю: письма купца Лобанова, 1911 год, залитые чернилами, склеенные в один камень.

Она работала молча. Влажная салфетка, потом японская бумага, потом пинцет. Каждое письмо нужно было отделять от соседнего, как отдирают от стекла замёрзший лист, не оставив на нём ни следа. Руки делали это сами. Голова была в другом месте.

Платили — не значит читали.

Она поймала себя на том, что в третий раз за час проводит пальцем по краю письма и не чувствует его. Отложила пинцет. Взяла кальку, сняла со стойки перьевую ручку с тонким пером, макнула в тушь и стала писать.

Не слова. Она не помнила слов. Она помнила форму: как стояло «д», как шла нижняя петля «у», как каждая строка плавно уходила чуть вверх к правому полю. Вера писала по памяти, медленно, повторяя то, что видела, и через две строки заметила то, чего не должна была замечать.

Рука не хотела.

Не вообще: рука помнила наклон, высоту, расстояния, всё воспроизводилось легко. Но как только она пыталась писать слитно, быстро, так, как пишет человек, который думает о содержании, а не о буквах, получалось не то. Приходилось замедляться. Приходилось на секунду останавливаться перед «р» и перед «в», как перед ступенькой. Писать так, как рисуют: по частям, глядя на целое.

Вера положила ручку.

Ритм казался знакомым, но откуда, она вспомнить не могла. Как заноза: чувствуешь, а найти не можешь.

Но это были четыре минуты и одна копия на ксероксе, а не заключение. Она сказала себе это вслух, шёпотом, на пустую мастерскую.

— Ты фантазируешь, — сказала Вера. — Ты хочешь найти что-нибудь, чтобы он перестал смотреть на тебя как на мебель.

Она порвала кальку на узкие ленточки, высыпала в ведро с водой и смотрела, как чёрное расплывается тонкими облаками. В двенадцать позвонил отец: хотел узнать, не надо ли чего, и пожаловался на давление, и она слушала, кивала и говорила «да, пап» и «нет, пап», и ни разу не сказала ему, откуда звонит на самом деле, что ест и с кем живёт. * * * В одиннадцать вечера в дверь постучали. Не Нина: Нина стучала дважды и входила. Этот стук был одним, ровным, и после него наступала тишина.

— Войдите, — сказала Вера.

Он вошёл с подносом. Простым, деревянным, с вытертыми углами, какой стоял на кухне и которым Нина носила чай в гостиную. На подносе стояла чашка с блюдцем и больше ничего.

Марк пересёк комнату, поставил поднос на край стола, у стопки её инструментов, и выпрямился. Он снял пальто и пиджак, остался в рубашке с закатанными до локтя рукавами. Чернильное пятно на левой манжете она заметила сразу.

— Чай, — сказал он.

— Вижу.

— С бергамотом. Ты пьёшь такой.

— Откуда ты знаешь?

— Нина.

Вера посмотрела на чашку. Над ней поднимался пар, ровный, медленный: чай заварили не только что и не слишком давно, так, чтобы можно было пить и не обжечься. Сахара не было. Лимона не было. Она всегда пила так.

Марк не смотрел на неё. Он смотрел на стол, где лежала горка тонких бумажных лент, оставшихся с воскресной ночи. Она не успела их убрать, и они лежали стопкой, как нарезанная лапша.

— Это что.

— Полоски.

— Зачем.

— Нервы.

Он кивнул, как кивают, получив ответ, который ожидал. Взял одну ленту двумя пальцами, повертел, положил назад. Лента легла чуть криво. Вера хотела поправить и не поправила.

Он подошёл к двери. Остановился, положив руку на косяк.

— Кабинет будет закрыт.

— Я поняла.

— Я не про это, — сказал Марк.

Он не продолжил. Постоял секунду, потом ещё одну: ровно столько, сколько стоят у двери люди, которые собираются что-то добавить. Вера ждала. Она готова была слушать что угодно: оправдание, приказ, даже холодное «спокойной ночи». Он вышел и закрыл дверь так тихо, что щёлкнул только язычок.

Она осталась с чашкой.

Это был чай. Всего лишь чай. Он не сказал «прости», не сказал «не должен был», ничего не объяснил. Она ждала, что в нём появится жалость, и не нашла, и отчего-то это было спокойнее. Вера обхватила чашку ладонями. Фарфор был горячий ровно настолько, чтобы согревать, а не жечь.

Она выпила его до дна, не вставая с места. * * * В два часа ночи она открыла ноутбук. Рассудок говорил: не надо. Пальцы, привыкшие делать дело, пока голова спорит, уже набирали в строке поиска: *дело Ветрова 2015*.

Нашлось сразу и много. Слишком много для истории, о которой в доме не говорили. Вера открывала вкладки одну за другой, как открывают ящики в чужом комоде: осторожно, с оглядкой на дверь.

Деловая пресса писала сухо: «Александр Ветров, основатель холдинга “Ветров Групп”, обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере». Даты, суммы, фамилии потерпевших. В одной из заметок мелькало: «Ключевым свидетелем обвинения выступил сын подсудимого». В другой: «Показания наследника, по словам прокурора, сыграли решающую роль».

Таблоиды писали иначе. «Сын, который продал отца». «Кровь не вода, но деньги дороже». Под последним заголовком стояла фотография: двадцатитрёхлетний Марк на ступенях суда, в чёрном пальто, с руками в карманах. То же лицо. Тот же поворот головы, по которому она узнала бы его в толпе. Но чего-то в нём не хватало, и Вера долго вглядывалась в снимок, пока не поняла: не хватало этой тишины, закрытости. Он был молод, и на лице было написано всё, что с ним происходит. Рядом, в тёмных очках, стояла женщина с прямой спиной. *Елена Ветрова*, гласила подпись. *Мать свидетеля. Через месяц после приговора она покинет страну.*

Вера пролистала дальше. 2016 год: короткая заметка, три строки. «В СИЗО скончался Александр Ветров». Никаких подробностей. Она нашла ещё одну, потом ещё. Прочла про сердце, про длительное содержание, про то, что адвокат семьи требовал проверки. Ни одно из требований не закончилось ничем.

Она читала сорок минут, потом час. Выписывала в блокнот даты, фамилии судей, название экспертного учреждения, которое проводило почерковедческую экспертизу. Название нашлось в третьей статье, в одной строке, мелким шрифтом. Она подчеркнула его дважды.

Потом она набрала в поиске: «почерковедческая экспертиза Ветров».

Результаты были скудными: в статьях, которые она просмотрела, экспертиза умещалась в одну строку. Письмо, подпись, вывод.

Одна строка на весь процесс, подумала Вера.

За дверью скрипнула половица. Не Нинина: у Нины шаг был тяжёлый, с пяткой. Этот был лёгкий и осторожный. Под дверью, в тонкой полоске коридорного света, появилась тень и остановилась.

Вера положила ладонь на крышку ноутбука и закрыла его, не нажимая, чтобы не щёлкнуло.

Тень постояла. Потом ушла, и половица скрипнула во второй раз, дальше, у лестницы. Вера сидела в темноте и слушала, как в доме снова становится тихо.

Глава 7. Рождественский приём

Приглашение пришло в конверте из плотного хлопкового картона, и Вера, прежде чем прочесть хоть слово, провела по нему большим пальцем. Блинтовое тиснение, без краски, одним нажимом: «Дом Ветровых на Остоженке приглашает». Двести граммов, не меньше. Хорошая бумага, которой стыдно за текст.

— Будешь нюхать, — сказала Соня с лестницы, — опоздаете.

— Я проверяю.

— Что?

— Не подделка ли.

Соня подумала и села на ступеньку между балясинами, подтянув колени к подбородку. На ней была пижама с лисами. Она терпеть не могла, когда эту пижаму называли «милой», и Вера ни разу не назвала.

Вера стояла в холле в платье цвета мокрого мха. Его привезли утром вместе с женщиной, которая молча подколола подол, молча поправила бретельку и так же молча ушла. На шее было пусто, на руке тяжело. Обручальное кольцо она так и не научилась не замечать: платиновое, тонкое, с маленьким сапфиром, ровно её размера. Она не спрашивала, откуда он знает размер.

Марк спустился без шагов, как всегда. Чёрный костюм, белая рубашка, перьевая ручка в нагрудном кармане, хотя ручка ему сегодня не понадобится. Он остановился в трёх шагах и оглядел Веру так, как оглядывают чертёж перед подписью.

— Встань прямо.

— Я стою прямо.

— Ты стоишь как человек, который ждёт автобус.

— А жена Ветрова ждёт что?

— Ничего. Ей приносят.

Соня на лестнице фыркнула и тут же сделала вид, что чихнула.

Марк прошёл мимо Веры и встал у зеркала в простенке, боком, не глядя в него.

— Плечи опусти. Подбородок на сантиметр выше. Руки не прячь и не складывай. Одна держит сумку, вторая свободна, и свободна она для меня.

— Для тебя.

— Для камер. Они снимают то, что ты делаешь с руками. Лицо можно держать любое.

— Какое любое? Есть утверждённый список?

— Спокойное.

— Мне всегда казалось, что это одно из любых.

Он ничего не ответил, только чуть повернул голову, и Вера поняла, что это был способ улыбнуться. Он не коснулся её. Он вообще держал руки в карманах, пока говорил, и она заметила, что он делает это нарочно: правило семь, пока нет камер. Она выпрямила спину, опустила плечи и попробовала смотреть мимо.

— Теперь вдохни.

— А до этого я не дышала?

— До этого ты готовилась к бою. Вдохни, как будто пришла в гости к людям, которые тебе не интересны.

Вера вдохнула. Это получилось само, потому что именно так она и вдохнула бы, окажись она среди людей, которые ей не интересны. Марк кивнул.

— Вот так.

— Спасибо за урок.

— Это не урок. — Он достал из кармана руку и посмотрел на часы. — Это инструкция.

На пороге, уже в пальто, Вера обернулась. Соня смотрела на них сквозь балясины. В её лице не было ни просьбы, ни упрёка. Она смотрела так, как смотрит человек, который запоминает комнату.

— Вернётесь поздно, — сказала Соня.

— Да.

— Я не буду спать у двери.

— Это твоё право, — сказала Вера.

— Я знаю. Я просто говорю. * * * Остановились у ограды, где редкая цепочка людей с фотоаппаратами топталась на снегу и грела дыхание. Особняк стоял в глубине двора, весь в огне: на каждом окне гирлянды, на крыльце две ёлки в человеческий рост, а над входом вывеска, которую не повесили бы при хорошем вкусе, но Ветровы вешали её двадцать лет подряд: «С Рождеством!»

Игорь открыл дверь. Марк вышел первым, обошёл машину, не торопясь и не медля, и протянул ей руку. Она взяла.

Фотографы подались вперёд.

Вспышки были не такие, как она думала. Не белые, а какого-то грязно-голубого оттенка, и после каждой мир на полсекунды терял глубину. Голоса бросали фамилию, как бросают камень в воду:

— Марк Александрович! Сюда!

— Вера, посмотрите сюда!

— Это правда, что свадьба была ради опеки?

Она не повернулась. Она держала спину и смотрела мимо, как учили. Марк положил ладонь ей на поясницу, и эта ладонь не была ни тёплой, ни холодной, а ровной, как линейка. Вера вспомнила, что здесь можно: правило четыре. Камеры есть. Она положила свободную руку ему на предплечье.

— Хорошо, — сказал он тихо, не шевеля губами.

— Мне не нужны оценки.

— Они тебе нужны. Ты просто не хочешь их получать от меня.

— Потрясающее наблюдение.

— Улыбнись фотографу слева.

— Какому?

— Тому, у кого нет кепки. Он работает на Глеба.

Она улыбнулась, и вспышка поймала эту улыбку и унесла.

Кира ждала у входа, прислонившись плечом к колонне. Чёрный брючный костюм, под ним белые кроссовки. Волосы у неё были собраны кое-как.

— Вы прекрасно держитесь, — сказала она Вере, и в её голосе не было тепла, но и вражды не было, одна констатация. — Лучше, чем я ожидала.

— Это комплимент?

— Это справка. — Кира перевела взгляд на Марка. — Глеб в зале. Уже спрашивал, где вы с женой.

— Мы здесь.

— Он в курсе. Он видел из окна. — Кира чуть наклонила голову. — Он с гостем.

Марк не изменился в лице, но Вера почувствовала, как под её ладонью напряглось предплечье. Слегка. На ширину листа.

— С каким.

— Узнаешь. * * * В зале пахло хвоей, воском и мандаринами, а под этим слоем дорогими духами. Ёлка уходила под самый потолок двухсветного зала, увешанная стеклянными шарами. По лестнице вниз спускались люди в вечерних платьях, и все они как будто знали друг друга по именам и фамилиям, но не по лицам.

Глеб Ветров вышел им навстречу с распростёртыми руками. Он был ниже, чем Вера ожидала: плотный, седой, в бархатном пиджаке цвета бордо, с лицом человека, который любит свой стол и тех, кто за ним сидит. Он обнял Марка, коротко хлопнул по спине, и Вера увидела, что Марк позволил это ровно на два хлопка.

— Мальчик мой. Пришёл. Я боялся, что работа тебя опять не отпустит.

— Меня отпустили.

— Это замечательно. — Глеб повернулся к ней, и она почувствовала, как её хватают за плечи, мягко, в обе руки. — А это, значит, она. Верочка. Дорогая моя, наконец-то. Я столько слышал, столько читал и ни разу не видел вблизи. Вы совсем не такая, как пишут.

— А как пишут?

— Пишут, будто вы расчётливая. — Он рассмеялся, и смех у него был тёплый, круглый. — А вы просто красивая. Я всегда говорил: расчётливые некрасивы, им некогда. Марк, ты не умеешь ценить, но я за тебя ценю.

— Спасибо, — сказала Вера.

Она подумала: *он сейчас спросит про Соню*. Он спросил:

— Как Сонечка? Спит? Я передал ей подарок с водителем, ей понравилось?

— Она не любит, когда её зовут Сонечкой, — сказала Вера.

Глеб не потерял ни секунды.

— Правда? А я столько лет… Господи, старый дурак. Спасибо, что сказали. Передайте ей, что дядя исправится.

Он положил ладонь ей на руку, поверх руки Марка, и придержал так секунду, как придерживают лист.

— А теперь я хочу вас кое с кем познакомить, — сказал он, отступая в сторону. — Человек новый в нашей семье, но уже незаменимый. Наш новый консультант по искусству. Вы, думаю, найдёте общий язык. Денис, иди сюда.

Он вышел из-за ёлки с бокалом в каждой руке.

Тёмно-синий костюм. Тот же мягкий поворот головы, тот же полуулыбчивый рот. Он располнел на два килограмма и постригся иначе, и в остальном остался точно таким, каким был в июне 2022 года у неё в голове: человеком, который всегда приходит с бокалом.

— Вера, — сказал Денис. — Давно.

— Вы знакомы? — спросил Глеб, и в этом вопросе не было ни единой фальшивой ноты. Вера подумала, что именно так и звучит ложь, которую кто-то отрепетировал.

— Немного, — сказала она. — Давно.

Марк не пошевелился. Но его рука на её пояснице стала тяжелее, на одно мгновение, и потом снова легла ровно.

— Марк Александрович, — сказал Денис и слегка наклонил голову. — Много слышал.

— Не сомневаюсь. * * * Бар стоял в боковой гостиной, под портретом какого-то Ветрова в мундире, и бармен в белой жилетке наливал гостям коктейль, окрашенный в цвет клюквы. Вера дошла туда, потому что Марка забрали три человека с одинаковым выражением лица, и потому что ей нужно было место, где можно положить руки на гладкую поверхность.

Денис нашёл её через минуту. Поставил на стойку два бокала, один пододвинул к ней.

— Ты ничего не ела. Я проверил, там канапе с утиной печенью. Ты не ешь утку, поэтому я принёс с сёмгой.

— Благодарю, Денис. Вы очень любезны.

Он улыбнулся.

— Ты опять так делаешь.

— Как.

— Становишься вежливой. Я это знаю. Когда ты злишься, ты начинаешь говорить «благодарю» и «вы». Это было смешно в двадцать лет.

— А теперь?

— Теперь страшно. — Он взял свой бокал, не пригубил. — Ты изменилась. Хорошо выглядишь. Дорого. Дом Ветровых тебе идёт.

— Что ты здесь делаешь?

— Работаю. Глеб Николаевич хочет собрать фамильную коллекцию. Полотна, документы. Ему нужен человек, который отличит настоящее от того, что хочет выглядеть настоящим. — Он наконец посмотрел ей в глаза. — Ты же знаешь, у меня на это глаз.

— У тебя на это отец.

Короткая пауза. Денис не вздрогнул, но уголок рта дрогнул, как у человека, которого задели по старому шву.

— Давай не про отца, — мягко сказал он. — Мы же пришли праздновать.

Он протянул руку. Не к ней: к её руке, лежащей на стойке. Не коснулся, только поднёс палец на сантиметр от кольца и показал, как показывают на витрине.

— Красивое кольцо, — сказал Денис. — Сапфир небольшой, зато огранка старая. Не из магазина. Он выбирал, наверное, долго.

— Ты не знаешь, как он выбирал.

— Не знаю. Но догадываюсь, что у такого человека всё куплено заранее. — Голос у него остался ровным и ласковым, и от этого каждое слово ложилось отдельно. — Знаешь, мне будет жаль, если люди узнают, что ты подписываешь.

Вера взяла бокал. Руки были чужими, но не дрожали, и она отметила это с отстранённым профессиональным удовольствием.

— Подписываю что.

— Заключения. Экспертные. — Он пожал плечами. — Я их храню. В хорошем состоянии, без залома, по твоей же методике. Подлинник, а не копия. Я подумал, ты оценишь.

— Ты всегда сначала угощал, а потом просил.

— Я пока ничего не прошу.

— Пока.

— Я просто здороваюсь, Вер. — Он улыбнулся ещё теплее. — Мы столько лет не виделись, нужно же что-то сказать. Ты ешь, не стесняйся. Там правда с сёмгой.

Он взял свой нетронутый бокал и ушёл в сторону зала, не оглядываясь, потому что оглядываться ему не требовалось.

Вера стояла и смотрела на тарелку. Канапе лежало на ней, крошечное, с веточкой укропа. Она взяла его двумя пальцами и положила обратно на край, чтобы не дрожали руки. * * * Балконная дверь выходила во двор, на тот самый ряд ёлок. Там было пусто и очень холодно: каменные перила в мокрых иголках снега, ночь, пахнущая бензином и дымом из чьей-то печной трубы. Вера встала у перил и опёрлась обеими ладонями, как опираются на подоконник, чтобы не упасть.

Дверь за спиной щёлкнула. Она не оглянулась.

— Возьми, — сказал Марк.

Пиджак лёг рядом на перила, не на плечи. Он не коснулся её, держал в вытянутой руке, пока она сама не возьмёт. Она взяла. Пиджак был тёплый изнутри, пах шерстью и чем-то ещё, едва уловимым: бумагой, тушью.

— Ты меня потерял.

— Я тебя видел.

— Из зала.

— Из окна. — Он встал рядом, облокотился на перила. Между ними оставалось сантиметров тридцать воздуха. — Ты разговаривала с Карповым.

— Он разговаривал со мной.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала Вера. — Это совсем разное.

Во дворе хлопнула дверца машины. Кто-то засмеялся, женщина, высоко и коротко. Вера смотрела на ёлку, ту, что слева, где один шар висел криво.

Она подумала: *скажи сейчас*. Скажи, что он держит экспертное заключение. Что подпись твоя. Что в двадцать лет ты не знала, а потом всё равно знала и молчала четыре года. Скажи, что он пришёл сюда не за Глебом, а за тобой.

— Марк.

— Да.

— Я должна тебе кое-что…

Она замолчала. Он не торопил. Он стоял и смотрел не на неё, а на двор, и в профиле у него было что-то такое, что она видела на фотографии из статьи: на мгновение там проступил двадцатитрёхлетний.

— Говори.

— Денис Карпов. Я с ним…

— Я знаю, — сказал он.

Вера повернулась.

Он не повернулся в ответ. Он сказал это в темноту двора и сразу замолчал: на одно слово больше, чем собирался.

— Откуда?

— Я знаю, что ты знаешь его, — поправился Марк. — Это было видно по тому, как вы встали у бара. Люди не стоят так с незнакомыми.

— Это не то, что ты хотел сказать.

— Это то, что я сказал.

— Ты хотел сказать что-то другое.

— Я хотел сказать, что ты замёрзла.

— Это шутка?

— Не знаю. Пока не понял.

Они помолчали. Из зала донеслась музыка, живой квартет, какой-то вальс, который Вера узнавала по первым тактам и не могла назвать. Она могла бы сказать: *я подписывала поддельные заключения.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.